

Житель Марса
Иван Егорович Селиванов

Юрий Светлаков

**Житель Марса
Иван Егорович
Селиванов**

Из цикла «Знай наших!»

Кемерово 2017

ББК. 76.032

Светлаков Ю.Я.,

С 24. ЖИТЕЛЬ МАРСА ИВАН ЕГОРОВИЧ СЕЛИВАНОВ
Книжка – альбом. Кемерово: 2017 г. - 148 с., илл. 132

Эта книжка-альбом составлена по материалам воспоминаний
о художнике И.Е. Селиванове на киноклубе документального кино «Свет».

Вместо предисловия. Память о прошлом

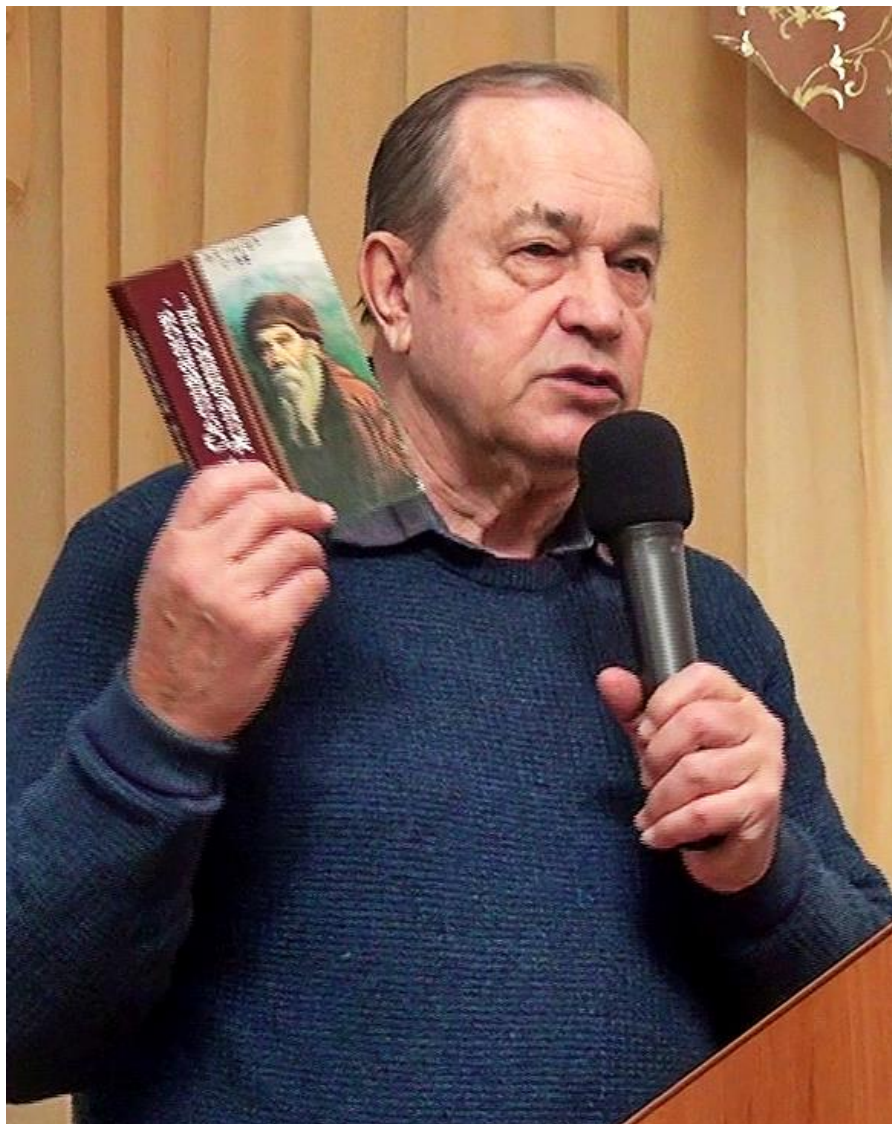
Я вообще не хотел писать никакого предисловия и ни о какой книжке и не мечтал. Просто решил расшифровать для монтажа то, что говорилось на очередном заседании киноклуба о встречах с художником Иваном Селивановым.

Дело в том, что в дни 110-летия художника в областной научной библиотеке им. В.Д. Фёдорова проходила передвижная выставка его работ, как они её назвали «Выставка художника – наивиста Ивана Селиванова». Меня попросили очередное заседание клуба документального кино «Свет» посвятить этому художнику.

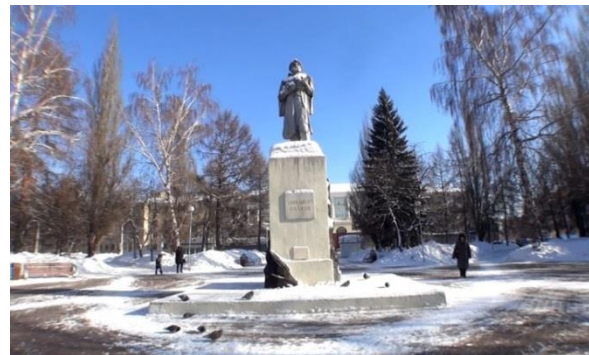
У нас уже прошло несколько встреч под лозунгом «Знай наших!» и о шахтёрах Кузбасса, и о поэте Леониде Гержидовиче, и о метеорологе Анатолие Дьякове, и о губернаторе Амане Тулееве, ну и так далее. Я согласился, понимая, что у меня в запасе только воспоминания встреч о нём, никаких фильмов нет, есть только несколько фотографий, да пара книжек и всё.

Тут сработал космический закон «подобное притягивается подобным». Вспомнил, что когда-то наши студенты Володя Шкода и Сергей Шакуро снимали кино на 16 мм плёнке о Селиванове. Позвонил в Новокузнецк Сергею, у него, как бы случайно, в Кемерово открывалась фотовыставка «Цена вершины», и я попросил, чтобы он привёз диск с фильмом.

Далее, как бы случайно, встречаюсь с исследователем истории города Кемерово Владимиром Сухацким. Он мне говорит, что у него есть несколько негативных плёнок с переснятыми фотографом Виктором Грызыхиным тетрадей Селиванова. Всё в одну копилку. Отсканировал более 300 негативов, отпечатал – прочитал два раза – интересно. Поиск продолжался. Чтобы не повторять других авторов, перечитал почти все книжки о Селиванове и статьи о нём в Интернете. Придумал название «Житель Марса Иван Селиванов».

Ведущий Юрий Светлаков

Клуб документального кино «Свет»

Ну, теперь не вырваться из объятий собранного материала, и вместо фильма надо делать книжку. Тем более, что звук на плёнке оказался с браком.

Надо ещё объяснить, почему взялся за эту работу, по сути, никому не нужную. Мне самому важно было понять, как устроена наша память, почему некоторые события мы забываем на второй день, а другие столетней давности стоят перед глазами, будто живые, с мельчайшими подробностями. Если есть эта самая память, то по сути дела мы должны помнить всё, каждый день по часам и минутам. Так нет.

В Толковом словаре Ожегова прочитал: «ВОСПОМИНАНИЕ. Мысленное воспроизведение чего-нибудь, сохранившегося в памяти». Возбудителем воспоминаний служат предметы, которые тебя когда-то окружали, увиденное во сне, прочитанное в книге, рассказы людей и не обязательно о тебе «любимом», фотографии из семейного альбома, кадры из фильмов и т.д. На мой взгляд, особо ярко вспоминаются моменты, когда событие воспринимается всеми органами чувств одновременно. Сочетание зрения, слуха, нюха, вкуса, как говорят, «в одном флаконе».

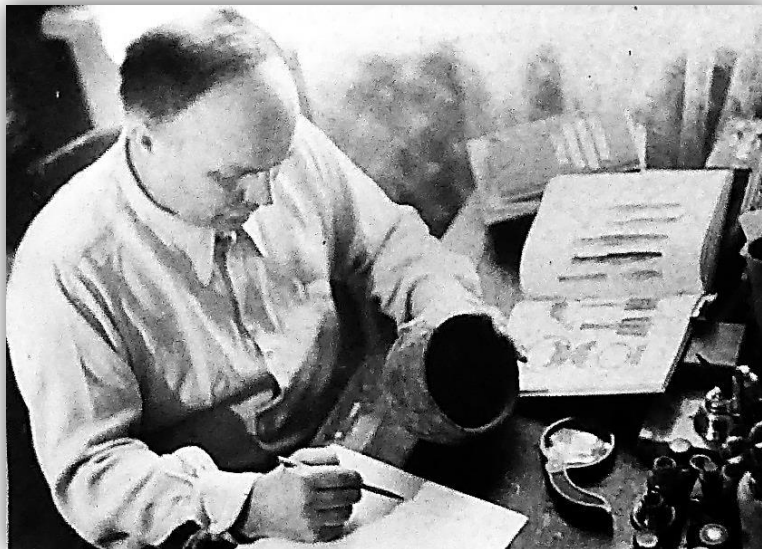
Ещё одну умную вещь скажу, я её повторяю из раза в раз: «Мир каждый видит в облике ином... И каждый прав, так много смысла в нём». Это сказал Гёте в своём «Фаусте». Поэтому одно и то же событие каждый воспринимает по-своему.

Зачем же вспоминать прошлое? Как меня учили на студии, не фигу оглядываться назад, надо идти вперёд с высоко поднятой головой. «Кто прошлое помянет, тому глаз вон!» А кто прошлое забудет – оба долой!

Как говорил наш классик социалистического реализма Алексей Максимович Горький: «Мы изучаем прошлое, чтобы понять настоящее и увидеть будущее».

А теперь, начнём, помолясь, каждый своему Богу.

Что же было на клубе документального кино?

М.Г. Елькин. Год примерно 1958

Археологическая экспедиция школы №1

- Добрый день. Я рад приветствовать любителей документального кино. Сегодня мы продолжим разговор под флагом «Знай наших!» Сегодня разговор пойдёт о художнике Иване Селиванове, как его здесь в библиотеке обозвали художником-наивистом.

Вы видите титр «Житель Марса Иван Егорович Селиванов». Он что - «житель Марса»? Чуть попозже вы узнаете, о каком Марсе пойдёт речь.

Всё началось с Михаила Георгиевича Елькина, при встрече с ним он мне сказал....

Вначале небольшое отступление. Елькин был учителем истории в школе №1 города Прокопьевска. У него учился космонавт Борис Волинов. Но самая главная заслуга Елькина в том, что он организовал в шахтёрском городе краеведческий музей. Кстати сказать, он ещё организовал несколько археологических экспедиций. Вёл раскопки на месте Томского железодельного завода и в других местах.

Я с ним был знаком довольно давно. Кажется, со времени когда я учился в школе №7, а он преподавал в школе №1. Однажды он позвал меня поснимать археологические раскопки недалеко от деревни Ур-Бедари, это в Беловском районе: «Юра, приезжай, поснимай, у тебя есть фотоаппарат. Ещё, я знаю, что у тебя есть самодельная 16 миллиметровая кинокамера, может ты и на эту камеру кино поснимаешь. Мне это очень пригодится». В то время Елькин работал в одной «упряжке» с академиком Окладниковым.

Я решил поехать. Раньше дороги не такие были как сейчас. Чтоб доехать до Ур-Бедари, надо было вначале на электричке доехать из Прокопьевска до Белово. В Белово пересесть на автобус и на нём доехать до перекрёстка на Ур-Бедари, а там пешочком до стоянки экспедиции. Полдня прождал автобус. Он быстро набился жителями близлежащих деревень. Я еле-еле втиснулся. Стою расплуснутый, прижатый к задней двери. Вот так надо было ехать два часа до перекрёстка, где дорога была на эти раскопки в деревню Ур-Бедари. Проехав минут десять, я огляделся, и вдруг вижу на передней площадке красивую девчонку.

Дорога в село Ур-Бедари

Кадры из фильма «Гражданин Кейн»

Она стояла также как я, прижатая к стеклу передней двери. Тут время остановилось, голоса исчезли... Мы стали переглядываться. Я не видел ничего вокруг, кроме её голубых глаз. Два часа пролетели незаметно. Мне казалось, что мы переговариваемся телепатически. Я уж решил, что поеду до конца, выйду там, где выйдет эта девчонка. Но подумал, а где я ночевать буду, уже вечер наступает, тем более меня ждут на раскопках. И всё-таки я вышел.

Вышел и, как суслик у дороги, долго глядел вдаль, пока не скрылся в пыли этот автобус, и тогда пошел туда, где ребятишки раскапывали курган.

Там что-то поснимал, а вот эта девчонка так и не выходит у меня из головы до сих пор. Потом, спустя много-много лет во ВГИКе нам показали фильм Орсона Уэлса «Гражданин Кейн». Это классика мирового кино. В этом фильме рассказывается о том, как газетный магнат, уходя из жизни, прошептал всего два слова: «Бутон розы». Журналисты решили узнать, что означают эти слова. Поехали, кто к его бывшей жене, кто к другу... Я не буду пересказывать весь фильм, только один эпизод. Журналист Томпсон, приезжает к человеку, который знал Кейна и спрашивает, что тот хотел сказать последними словами?

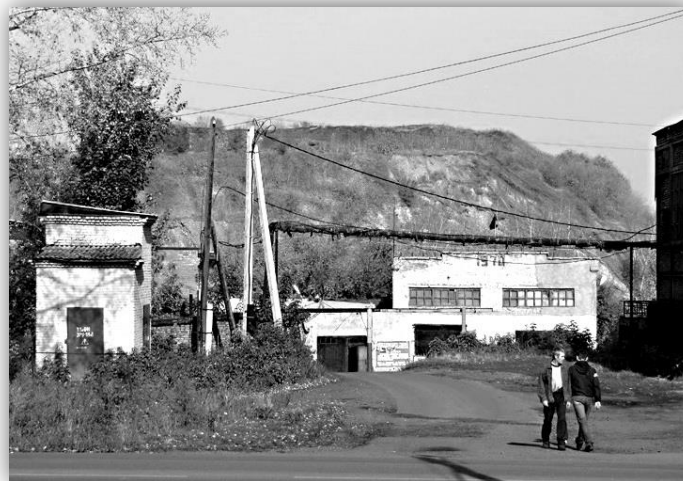
- Вы имеете в виду «бутон розы», да? Может быть, это какая-нибудь девушка? Во времена его молодости в них не было недостатка...

- Согласитесь, мистер Бернштейн, невероятно, чтобы мистер Кейн, случайно встретив какую-то девушку, спустя пятьдесят лет, на своем смертном одре...

- Вы слишком молоды, мистер... Иногда человек вспоминает такое, что, казалось бы, невозможно вспомнить. Возьмите, например, меня. Однажды в 1896 году я переправлялся на пароме в Джерси. Как раз, когда мы отплывали, причаливал другой паром... И на нём была девушка... она ждала своей очереди сойти на берег. На ней было белое платье... в руках белый зонтик... Я видел её всего одну секунду, а она меня даже не видела. Но, я клянусь, с тех пор нет месяца, когда бы я, не вспоминал эту девушку. Вы понимаете, что я хочу сказать?

Трамвай №3

Остановка «Закладочная»

Обвалы на Нижней Голубевке

Сейчас, когда я вспоминаю ту девчонку, то, также как мистер Бернштейн, считаю, что это были самые лучшие страницы в моей жизни.

К чему я это всё рассказал?

Бывают в жизни такие минуты, когда событие врезается в память надолго-надолго.

Однако, как говорят французы «вернёмся к нашим баранам». Не могу не рассказать, как во время прямого эфира, ведущий Илья Ляхов, обращаясь участникам передачи сказал: «Ну, а теперь, как говорят французы «Вернёмся к нашим баранам». Слово первому секретарю обкома комсомола...»

Итак, что же сказал мне Михаил Григорьевич Елькин.

В начале 70-х, в один из приездов в Прокопьевск, я, как обычно, забежал на минутку в музей к Елькину. Он мне и говорит:

- Слушай, Юра, у меня дворник работает, классный мужичок такой. Он заодно и наш музей и базар охраняет, но, помимо всего прочего, он рисует, и рисует необычно. Рисует не так, как все - у него на рисунке перспектива в обратную сторону. Ну, например, если рисует петуха, то у него голова маленькая, а хвост здоровенный-здоровенный. Обычно, когда мы рисуем перспективу, то на первом плане объект большой, а далее всё меньше-меньше-меньше становится. А этот мужичок у меня рисует наоборот. Звать его Иван Егорович Селиванов. Сходи, познакомься, может тебе будет интересно.

- Хоть сейчас! Скажите адрес.

Он говорит: «Садись на третий трамвай, что едет на Ясную Поляну, доезжаешь до остановки «Закладочная», налево не ходи, ходи направо.

Я подумал: «Направо пойдёшь – коня потеряешь», ладно, коня у меня нет – терять нечего.

- А как его найти?

- Да там тебе любой житель Нижней Голубевки скажет и покажет, где он живёт.

«Дом в Прокопьевске, в котором живу с 1951 года» 1968

Встреча первая. Дом на Марсе

Открываю тайну титра «Житель Марса Иван Егорович Селиванов». Посёлок на Нижней Голубевке, где жил Селиванов, назывался Марс. Вот почему «Житель с Марса».

Я сел, как было сказано, в третий трамвай, не по счёту, а по номеру. Подъезжаю к нужной остановке. Кондуктор объявляет: «Закладочная» - по требованию». Вышел. Пошёл налево - не в том смысле, которое вы подумали. Проходя через шахтовые обвалы, на самом деле, первый встречный сказал и показал, где живёт Селиванов – на улице Урицкого.

Домик у Селиванова был почти такой же, как на его рисунке, но не такой светлый. Забор был почти такой же, как на рисунке, но ещё хуже. Калитка держалась на алюминиевой проволоке. Рядом на заборе висел почтовый ящик и на нём номер, кажется, 35.

Подхожу к дому - дом как бы врос в землю. Чтобы войти в хату, надо спуститься по двум земляным ступенькам. Я постучал в дверь - никто не ответил. Открыл дверь, захожу в тёмные-тёмные сенки. Темно как у негра под мышкой. Справа лежал чёрный уголь. Когда с солнца зайдёшь в очень тёмную комнату, кажется, там вообще темно. На ощупь нашёл дверь - постучал. Опять никто не отвечает. Открыл дверь, зашёл в комнату.

По операторской привычке – огляделся. Небольшая с низким потолком комната. Слева стояла кровать, под кроватью какая-то живность. Мне показалось, что это был поросёнок. В левом углу - фикус. Прямо передо мной два маленьких окна. Над окнами и в простенке между окон висели рисунки на простых листочках без рамки. Рисунки карандашом – кадры из фильмов. В то время на экранах шел фильм «Журналист» Герасимова. И ещё, мне кажется, были кадры из «Неуловимых мстителей» и из «Подвига разведчика». Справа тоже было окошко. Рядом с дверью - печка, ну очень грязная, но сложена, насколько я понимаю, мастерски. На печке стояла пустая сковородка – чёрного цвета, которую, наверное, никто никогда её не мыл.

И.Е. Селиванов в своём доме. 1982. Фото Юрия Роста

Перед печкой стол без клеёнки. За столом сидели два мужика. Один ко мне спиной, маленького роста, с густой растрёпанной бородой и почему-то в фуражке восьмиклинке, и в кирзовых сапогах. Эдакий старичок – лесовичок. Второй напротив – такой же, небольшого роста, но без бороды. Они о чём-то говорили. Первый, как я догадался, и был Иван Егорович Селиванов. Повернувшись ко мне, он спросил:

- Чё надо? Я говорю: «Вот пришёл познакомиться с вами».

- Ну и чё?

Молчание. Я ещё расскажу, как он встретил известного актёра Олега Янковского.

Только после того когда я сказал, что меня направил к нему Елькин, он изменился.

- Ну, тогда садись, садись.

Быстренько подмигнул мужичку. Тот - раз, был, и нету. Селиванов давай колотить яйца на закопчённую сковородку и жарить. Второй мужик буквально через пять минут вернулся с бутылкой водки. Выпили. Ну и давай разговоры вести. Я триндел одно и то же:

- Иван Егорович, покажите рисунки, да покажите рисунки.

- Подожди, какие рисунки!

Очень жалел, что у меня с собой не было фотоаппарата. Если бы специально ехал, а тут Елькин сказал, я и попёрся без гостинцев и без фотоаппарата. Всё было так, как вот на этой фотографии Юрия Роста. Помню, как раз и ту чугунку с картошкой, и те рисунки над печкой, та фуражка, та же фуфайка...

Я всё ною, покажи рисунки, да покажи. В конце концов, он решил показать мне рисунки.

- Пошли!

Вышли в огород. Он подходит к погребу, открывает крышку, залезает в погреб и оттуда кричит: «Держи!» - и подаёт мне большой сверток с рисунками разных размеров. Селиванов вылез из погреба, закрыл крышку и на ней стал показывать рисунки.

«Воробей»

Рисунок с исправлениями

Это было потрясающее зрелище! Даже сейчас, когда говорю, волнуясь, мурашки по телу бегают. Помню, передо мной мелькали «живые» воробьи, собаки, коровы, обезьяны, куры... Как в детском калейдоскопе, перевёрнутые в перспективе рисунки. Потом, когда Селиванов стал известен, то ни на одной его выставке я не видел эти рисунки.

Но не это меня поразило. Поразило меня больше всего то, что на каждом рисунке синими чернилами была зачеркнута-подчеркнута неправильная перспектива. И было написано: «Неправильно ты рисуешь, рисовать надо так!» И показано, как «правильно» надо рисовать.

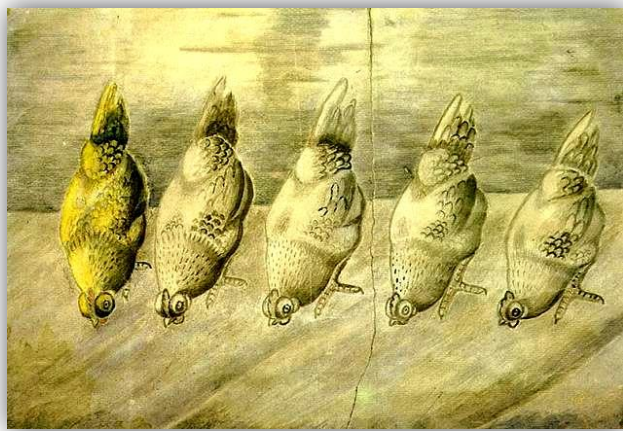
Оказывается, Селиванов эти рисунки посылал в Московский народный университет искусств им. Н.К. Крупской, куда наши любители-художники посылали свои работы, картины. И там профессора - учителя эти рисунки исправляли. «Неправильно ты плотину строишь, плотину на поляне строить надо». И так далее и так далее.

Селиванов писал: *«Ваша наука от меня отскакивает как от стенки горох. Я картину сначала вижу, потом пишу по представлению воображения моего. Я простой мужик, только я делаю еще и картины».*

Потом у Юрия Роста (о нём речь пойдёт позднее) вычитал: «Из Москвы ему писали задания, рождённые образованными людьми, направляющими народных мастеров, и Иван Егорович доверчиво их выполнял, рисуя из газет передовиков производства. А после, в свободное от отчётного творчества время, садился творить безотчетно, и выходило лучше. Животных любил рисовать Иван Егорович и домашних птиц».

Смеркалось. Пора и честь знать. Как на крыльях выскочил из маленького домика Селиванова, приехал на студию, быстренько написал то, что я вам тут рассказал.

В то время для того, чтобы снять кино, надо было написать вначале какой-нибудь совершенно дурацкий сценарий, типа «Дядя Ваня пошёл купаться и... утонул». Я до сих пор считаю, что сценарий в документальном кино это большая глупость.

«Куры»

Надо сразу приходить и снимать, а потом отбирать из отснятого материала нужные кадры. Как говорил Роден – отсекай лишнее. Далее этот сценарий должны были утвердить члены художественного совета. И только после этого давали камеру, плёнку и можно было ехать на съёмку и снимать это кино.

В понедельник собрался художественный совет и меня раздолбали в пух и прах.

- А знает ли, Светлаков, сколько лет советской власти?

- Тогда почему у тебя художник в фуфайке? Почему такая грязь кругом?

Больше всего им не понравилась «неправильно ты рисуешь, рисовать надо так».

- Кто тебе дал право учить учителей из заочного института им. Крупской?

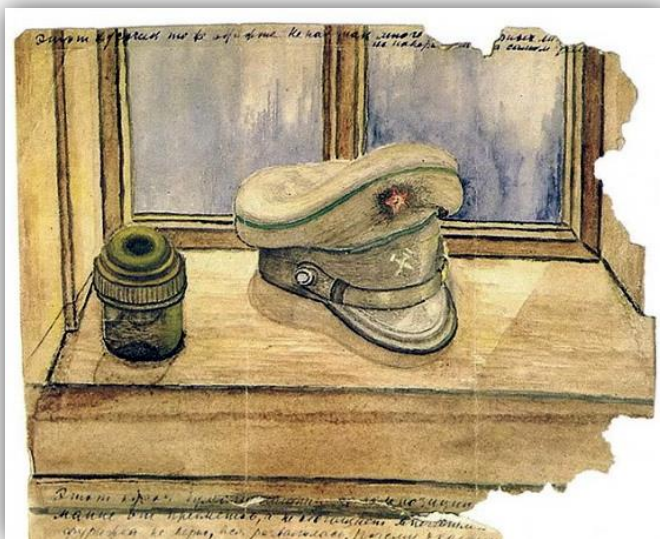
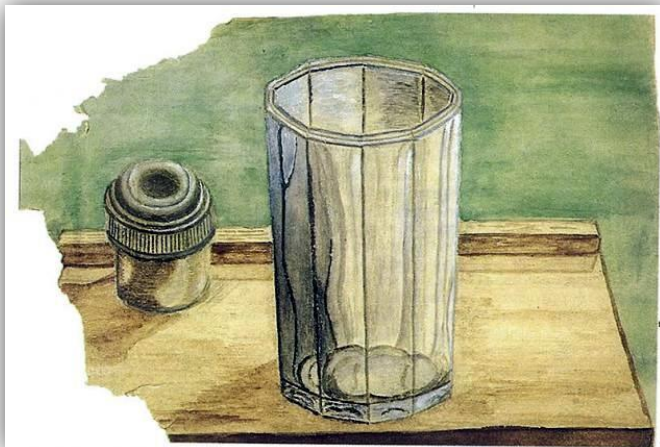
- У нас есть литературно-драматическая редакция – она сама решает, какого художника снимать и кому снимать.

Ещё мне сказали, что дворник должен быть дворником.

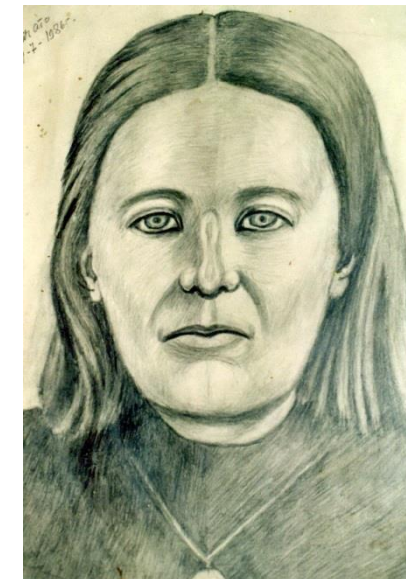
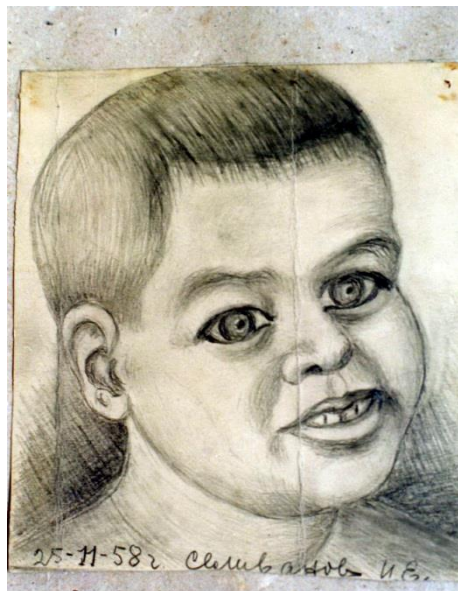
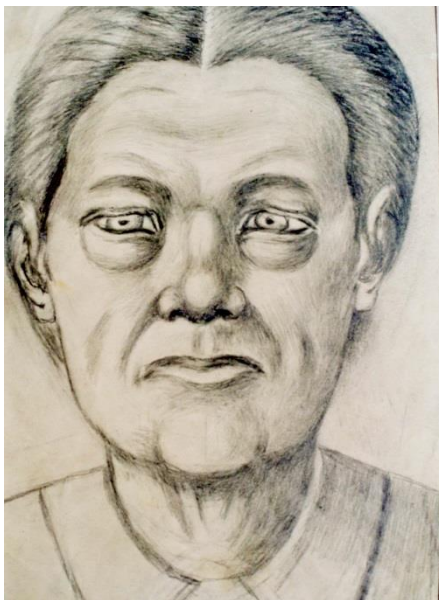
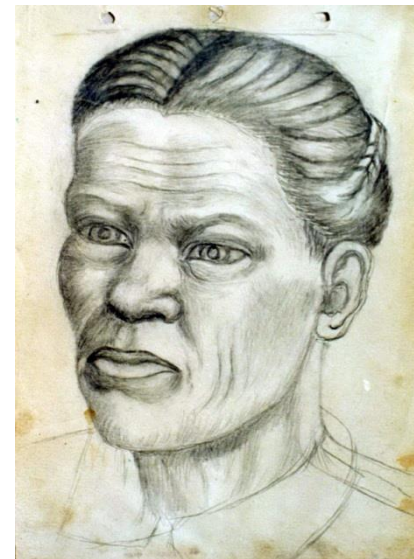
К этому времени я уже закончил ВГИК, экспериментальную мастерскую автора-оператора. Никаких съёмок мне, конечно, не разрешили. Это время было такое. Было бы как сейчас – взял бы видеокамеру и снимай - не хочу.

Вот такие картины, или подобные им висели у него на стене. Кстати сказать, потом я нигде не видел, ни на одной выставке, ни в одной книжке - кадры из фильмов, которые он рисовал. Он, бывало, ходит в Островский, так назывался кинотеатр в Прокопьевске, кино посмотрит, и по памяти нарисует вот такие картинки. После просмотра индийского фильма «Бродяга» на одном из рисунков стояла надпись «Смотрел 24 сеанса». Как мне это знакомо. Я сам по несколько раз смотрел один и тот же фильм, Например, в детстве «Чапаева» смотрел больше 30 раз. Всё ждал, когда он выплывет на берег.

После просмотра под музыку Вивальди рисунков И.Е. Селиванова будем читать его дневниковые записи.

Рисунки И.Е. Селиванова

Рисунки И.Е. Селиванова

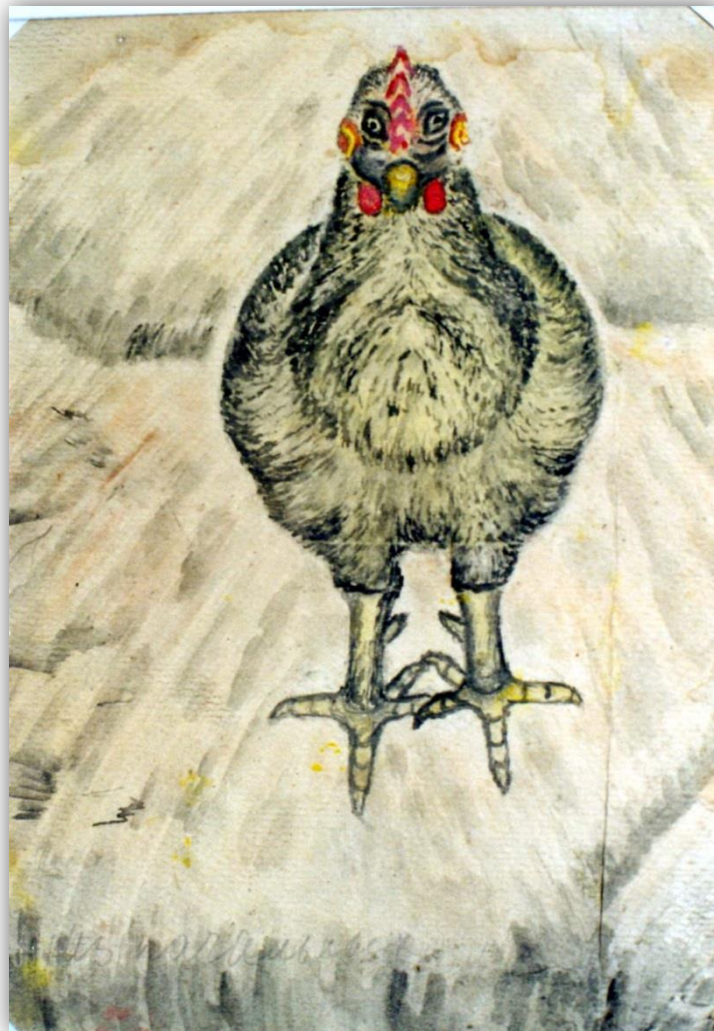
Один из первых рисунков И.Е. Селиванова

Рисунок И.Е. Селиванова

Рисунки И.Е. Селиванова

«Куры»

Из ранних рисунков И.Е. Селиванова

«Корова»

«Собака»

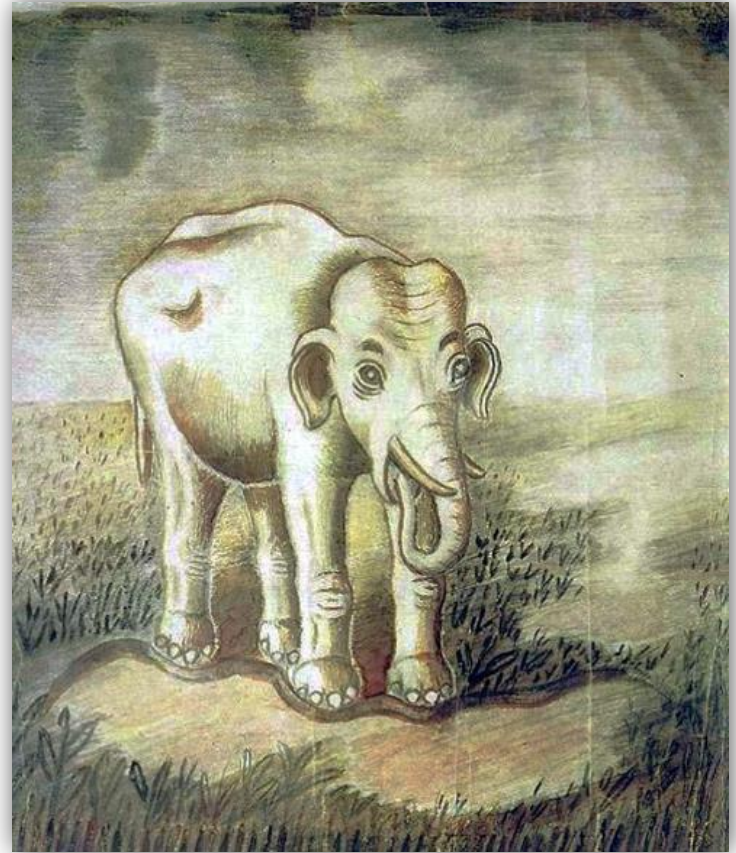
Рисунки И.Е. Селиванова

«Лошадь»

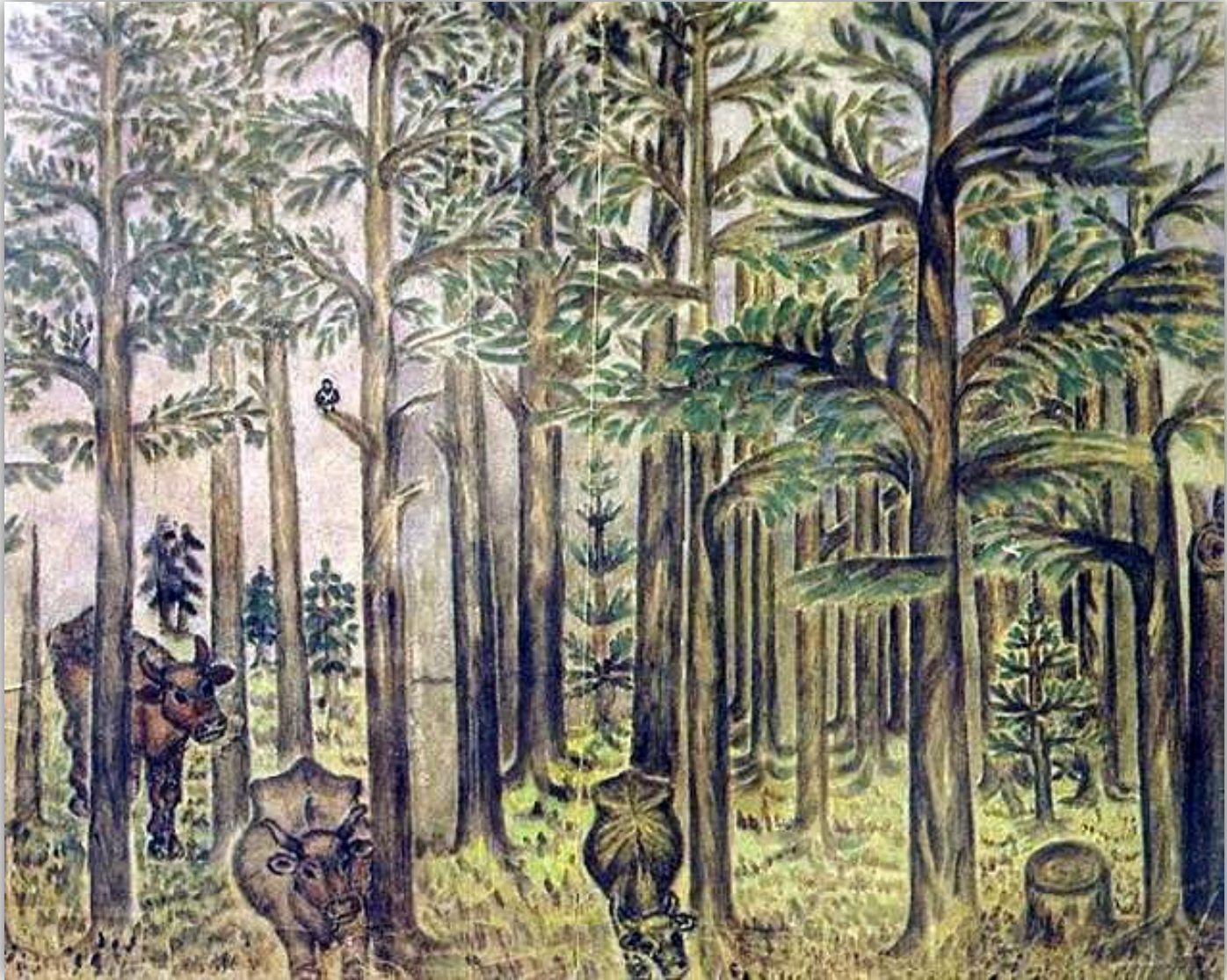

«Африканский лев»

«Слон»

Рисунки И.Е. Селиванова

«Пейзаж с коровами»

Красушно обійти не можеть. Значить: весь труд человечества взаимодействует, связан - зависит от людей. Значит; весь труд является общественно полезным трудом, чтобы люди не голодали, те чтобы они не выработивали. Ие мало людей занимаються и общественно вредным трудом, к этому труду относятся все воры, бандиты, мажориты в разных формах. ∴ В этот же день с половины дня 20-е февраля, ко мне кто-то стучался очень тихо во двор, в двери. Ворота были с обеих сторон закрыты, чтобы не каждаый, не туренный человек мог зайти, нарушать мое спокойствие в каком-то труде. Смотрю в окно кухни на улицу, слышу в двери стучит высокого роста серебристый молодой человек. На шарах у его ноги. Я спросил у него, как можеть ты ухитрится, откриты ворота? Он несколько смущился... Еще раз открит. Я вижу. Увидал; кошка или собака барахталась, Я откриты сены. Гужетим этого человека в сены, а за тем, ли вошли кухню. Он ко мне. Вам нраветь от лутвакова Михаила Сергеевича! Да! Что вы говорите. Я сразу догадался, что это ^{его} друг, знакомый очень хорошо, как человек и писатель Юрия Михайловича Рот. В моей кухне не очень-то приятно на зрение человека из большого города. Грязновато, да и холодовато. Тепло держитесь в кухне не всегда, когда на улице тепло, тогда и у меня на кухне тепло. Он ко мне, как любитель 2 как видишь... Для ветрени. Он ко мне; пойду бутылочку возьму, я к вам не обязательно. Простеивать и возвращать против его желания не стал. Этих вещей, я ~~сказал~~ слышал в подвале. Достал картошки, хотя не крушно, думаю: если мети микаши, то и это пригодет. Есть у меня и по крушно, парашанная картошка, но это крепко

Из тетрадей И.Е. Селиванова. «Приезд Юрия Роста»

В этот же день с половины дня 20-февраля ко мне кто-то стучался очень глухо во двор, в дверцы. Ворота были с обеих сторон закрыты, чтобы не каждый, не нужный человек мог зайти, нарушать мне спокойствие в каком-то труде. Смотрю в окно кухни на волю, в сенцы в дверь стучит высокого роста серобровый молодой человек. На глазах у него очки. Я спросил у него, как ты ухитрился открыть ворота? Он несколько смутился... Еле-еле открыл. Я думал кошка или собака барахталась. Я открыл сенцы. Пустил этого человека в сенцы, а затем мы вошли в кухню. Он ко мне: «Вам привет от Литвякова Михаила Сергеевича!»

Да! Что вы говорите! Я сразу догадался, что это его друг, знакомый очень хороший, как человек и писатель Юрий Михайлович Рост. В моей кухне не очень-то приятно на зрение человека из большого города. Грязновато, да и холодновато. Тепло держится в кухне не всегда, когда на улице тепло, тогда и у меня на кухне тепло. Он ко мне, как живешь? Как видишь...Для встречи. Он ко мне: «Пойду бутылочку возьму». Я к нему, не обязательно. Протестовать и возражать против его желания не стал. Этим временем я слезил в подполье. Достал картошки, хотя не крупна, думаю: если нет никакой, то и эта пойдёт. Есть у меня и покрупнее, нормальная картошка, но эта крепко закрыта, так что времени нужно много открывать да закрывать. Вымыл эту картошку, а не крупу, которую достал уже из подполья. Прочистил топку плиты-печки, заправил. Мечтаю! Если будет приезжающему как мне гостю из большого города холодно, то я сразу не растоплю плиту-топку с заправленным топливом: углём, дровами.

Травма у каждого своя и каждый человек борется за правду свою.
У каждого власти, имеются свои напачи. Напачи это люди про-
дажны шкур. Продаются членам власти за мелкие копейки.
Их работа казнить любого человека, без малодетно, без стораго
иуть хомь кто из родни крави... Когда прикажут члены власти,
они испашител и подчиненны членам власти. Все подчиненны,
если испашител военос. Пашулат от военос, мелкие копее-
ки, за труд, военоса и подчиненны сиршат аднишу за малые
копейки... Вышли, я из кухни за члн-то на вану... ~~Дай~~ Дай посто-
тню: из веротель - даярок в сторону горуда, Слютро; Кмо
елну припорку - к делну подхадит приезжий гоет шуранин-
шеател. Он нарузил на покункам до откату. Ягады бадь-
ше, да! Елнуда, странно. У меня замелькам мшм. Залел он трати-
ся, какуми такой труд, что он купил... Это не важно. Важно и мше
рсно мш. Елурели он так много зарат-ативет... Его мшзак а
мше не оправдало ни даро, ни эти покунки, которую он купил мше.
Робили незнай. Битулн такая повелница у хозяин барин, что хочт-т
и делат). Ронитиватся до каждой мшочи его мшты, бдител мшрат
мше человекская совет. Мштыло: эти разглед мше слми зата за-
водит мшт никаки необходимей. Залел на кухню я, он с пак-
лашей. Он начал разбират что покунку - покунку. Сказал мше: при-
бран, что пока не нурию, я все прибран. Беталал одна ведра и кодыа,
батка навиди и две и две мшавиш, Бурянокко мше. От мше правдо.
мши: давай вышли, еня ветрени. Я ену дал отрикателны. Он я, мш сто-
сой дралеми работат, мшлык на треву гавбу. Ваша работа, если работа
на на мш мш. Эта работа не драва рубити и зелино конат.

Вышел я из кухни за чем-то на волю... Дай посмотрю: из воротец-дверок в сторону города, а смотрю; к моему пригорку-к дому подходит приезжий гость журналист-писатель. Он нагрузился покупками до отказа. Надо бы больше, да! Некуда, странно. У меня замелькали мысли. Зачем он тратился, накупил такой груз, что он купил... Это не важно. Важно и интересно мне. Неужели он так много зарабатывает... Его поездка ко мне не оправдывает ни дороги, ни этой покупки, которую он купил мне. В общем, не знаю. Бытует такая пословица: «Хозяин – барин, что хочет, то и делает». Допытываться до каждой мелочи его жителя-бытия, мучает моя человеческая совесть. Мечтаю: этот разговор мне с ним заводить нет никакой необходимости. Зашли на кухню, я он с поклажей. Он начал разбирать свою поклажу-покупку. Сказал мне: прибирать, что пока не нужно, я всё прибрал. Осталась одна водка и колбаса, банка повидлы и две и две луковицы, буханочка хлеба. Он мне и предложил: давай выпьем для встречи. Я ему дал отрицательный ответ. Вы, я, мы с тобой должны работать, только на трезву голову! Ваша работа есть работа надо мной. Это работа не дрова рубить и землю копать.

Он посмотрел внимательно на меня, начал спрашивать: покажите мне свои работы какие есть. Отвечая, есть работы давние, олимпиады, есть и пересылки с олимпиады. Я открыл дверь в то помещение - избу, где я рисовал и ел в прошлую зиму, а в эту зиму 1981-1982 году я тут не рисую, не ем. Потому, что холодно. Буду рисовать с котеночками... Он этот молодой человек в шубе избу из кухни не заходит. Это его боя, да! Он собственно говоря не интересовался моими рисунками, мечтаю! На что ему мне рисунки-бытие. Я достаю все свои папки в которых хранятся все мои давние работы, и когда же за все мои работы, изданы много с начала учбы в Заочной учебном заведении имени Крупской. ~~Рисунки~~ Все эти, значительные, и не значительные работы он начал рассматривать со вниманием, - изучать, как по предварительности и в то же время переименовать свои работы - аппараты. Некоторые работы из книжечки - лаво понравился Муромскому - писателю Юрию Михайловичу ~~Рост~~ Рост. Например, он узнал одну работу из книжечки (не Юно-Юно-визи меститель) Валерка. Эта работа была на проверке у моего педагога Алексея Горня Григорьевича. Я у его попросил для показа на дому, кто интересуется мной творчеством. Он мне выдал более десятка после проверки, главную роль в книжечке (не Юно-визи меститель) Ираи! Не один Валерко - Валерин Михайлович, у его были его товарищи: Гришка, Янка Цыган, Ке-Нька, Гришкина сестра. Эти работы по моему мнению должны храниться так же, как я сам великую свою работу храню, да! Собственно говоря, кому нужен твой труд, так бережливо хранить, как сам создатель своих сокровищ. Моего твоего труда никогда не илмин и не будут ценить выше своего сокровища труда. Мне кажется, это естественно и понятно каждому из нас.

Он посмотрел внимательно на меня, начал спрашивать: покажите мне свои работы, какие есть. Отвечаю, есть работы давние, оригиналы, есть и пересъёмки с оригиналов. Я открыл дверь в то помещение-избу, где я рисовал и спал в прошлую зиму, а в эту зиму 1981-1982 году я тут не рисую, не сплю. Потому что холодно. Буду рисовать с потеплением... Он этот молодой человек в глубь избы из кухни не заходил. Это его воля. Да! Он собственно говоря не интересовался моим жильём. Мечтаю: на что ему моё жилье-бытьё. Я достал все свои папки, в которых хранятся все мои давние работы и награды за все мои работы, изготовлены мною с начала учёбы в заочном учебном заведении имени Крупской. Все эти значительные и незначительные работы он начал рассматривать со вниманием - изучать, как по предварительности и в то же время переснято своим фото-аппаратом. Некоторые работы из кинофильмов понравились журналисту-писателю, Юрию Михайловичу Рост.

Например, он узнал одну работу из кинофильма «Неуловимые мстители» - Валерка. Эта работа была на проверке у моего педагога Аксёнова Юрия Григорьевича. Я у его попросил для показа на дому, кто интересуется моим творчеством. Он мне выслал более десятка после проверки. Главную роль в кинокартине «Неуловимые мстители» играл не один Валерка – Валерий Михайлович. У его были товарищи. Гринька, Яшка Цыган, Ксенька, Гринькина сестра. Эти работы по моему мнению должны храниться так же, как я сам всякую свою работу храню. Да собственно говоря, кому нужен чужой труд, так бережливо хранить, как сам создатель своих сокровищ. Люди чёрный труд никогда не ценили и не будут ценить выше своего сокровенного труда. Мне кажется, это естественно и понятно каждому из нас.

Чужое есть чужое. Молодой журналист-писатель Юрий Михайлович Рост интересовался также моими всеми выставочными бумагами-дипломами, грамотами, которые мной ему были предоставлены на просмотр. Я несколько поинтересовался, спросил: «Кто был ваш-твой отец?». Он артист был. Заслуженный, да. Работает? Нет, уже не работает два года. Он инвалид отечественной войны. Пенсию хорошую получает? Сколько ему годов? Семьдесят пять. Значит он мне ровесник. Мать жива? Да, жива. А Вам сколько лет-годов? Сорок два. Мечтаю: В такое тяжёлое время родился, вырос и воспитался в таком крупном центре как Москва. Удивляюсь! Рассуждаю сам собой. Эти люди, его родители, не из нищенского сословия, как моя мать нищая. Родила себе сына нищего Ивана Егоровича. Недаром в народе говорят: «Нищий нищего рождает», «От калины не рождается малина». Вывод у хороших людей для воспитания своих детей, любые обстоятельства во времени мало в чём влияют. Да! Внутреннее состояние невозможно никому изучить. Иногда часто у людей бывает, человек в зрелом возрасте, даже на своей жизни не может определить свои способности.

Размышляя сам собою. Надо показать из последних работ. Пошёл в большую свою избу-квартиру-мастерскую, выношу две работы. Мы начали вынимать из специально сшитого мешка одну работу (мой дом, моя Родина). Он этот молодой серобровый человек вытащил из мешка эту работу, которую я только что упоминал здесь для съёмки фотографии. Так же он заснимывал меня и другую мою работу. Это портрет моей Варюши, над которым я много времени работал. Все-то изделано-срисовано мною таких портретов около сорока двух. Это примерно. Различие имеется между ними такое, те ранние изображены бумаги рисунком, но несколько из них с этим на полотне. Вот насколько сложна творческая-художественная работа. Для того, чтобы быть настоящим художником. Кисти, это значит, будешь или нет. Человеком-художником. Часть человек человек, художник работает всю свою жизнь в художественных мастерских своего города или где-либо в районе. А такого художника и никто не знает, те ни хорошим, ни плохим словом не упоминает. Странно-удивительно проработать человеку всю жизнь художником в какой-то мастерской художественной и люди про этого художника не вспоминают.

такой статистикой. Слова в нас вечно каменные хулы —
ники есть или нет. Про это было сказано, это уныло-искусство —
везде. Журналист-писатель Юрий Михайлович Фотинтерев —
он и мой первый собеседник в мире сибирских и
итак, когда-то эти писатели я ставил свои мифы. В одно вре-
мя всю эту гребенку хотел умиротворить. Мне показан мне
мифы самым верным своим мозгом, Ясеней умиротворить. Но
мне эти писатели приносят, для его мифы в будущем мифы.
В таких случаях, когда я вечно либо сомневаюсь то не умиро-
творю и берегу про сурды... Особенно ему понравился мой кот Ва-
ся, мое-близкая матери-шерсти мурлыка на елку. Этого кота я
писал в мемуары про смерти, т-е с мертвого по сравнению.
Откровенно говоря, я люблю, мир мифов и итак, только так
дел как себя или хорошо своего знакомых, но у меня, в округе —
мне меня в котором я живу в мире чужбине знакомых и задум-
чивых людей ~~и~~ нет и не было. Почему? Я приведу свои мифы по-
тому как пытаюсь себя в чем-то обмануть. Он журналист писатель
из мифы разговаривать или с мифы, записал как-то на келью мурлы-
кано. Кто будет интересоваться мифы речью, когда либо с мифы,
тогда мифы узнать через его. Россия ведь охвачена! Особо
близкими селами в мае-июни дни тихи, наелурны. Позади оста-
вляю и лето, мурлыки. Временами поднимались, то мифы, то
там над страной не было втерки. Меленькая погода каждаго
вот оно стране. и селоматах иногда мемуары происходят сибирь не

Журналист-писатель Юрий Михайлович Рост интересовался и моими первоначальными рисунками из мира животных и птиц, когда-то эти рисунки я становил свои ни во что. В одно время всю эту дребедень хотел уничтожить. Мне подсказал инстинкт самоуверенности своего мозга. Не смей уничтожать, может эти рисунки пригодятся для чего-нибудь в будущем людям. В таких случаях, когда я в чем-либо сомневаюсь, то не уничтожаю и берегу про случай...Особенно ему понравился мой кот Вася, лисо-белой масти-шерсти, сидящий на снегу. Я люблю мир, животных и птиц, точно также как себя или хорошего своего знакомого, но у меня в окружении меня, в котором я живу в мире человечества, знакомых и задушевных людей нет и не было. Почему? Я пренебрегаю людьми, которые помыкаются меня в чем-то обмануть. Он журналист-писатель из моей разговорной речи с ним, записал кое-что на плёнку магнитофона. Кто будет интересоваться моей речью, когда либо с ним, тот может узнать через его. как говорится: «Нет хорошей барышни, люби сапату...» Кого-то вечно люди хвалят. За что? Кого-то хаят. Всё это в разговоре труд: в письме, в печатном слове иль в устной речи. Думаю: Может Юрий Михайлович Рост, как талантливый журналист-писатель сфантазировать-выдумать красноречивый очерк, в своей литературной газете обо мне Селиванове Иване Егоровиче. Причём, если я имею какое-то достоинство в этом - заслуги. Об этом разговора у меня нет пока. Я не знаю, на что способен он, этот человек... Потому что я не читал ни одного сочинения-произведения, из-под его руки-пера... Всё же я считаю и размышляю: Никакие красноречивые слова этого человека, не повлияют ни на какого господина члена власти. Чтобы старому беспомощному художнику соорудили благоприятную со всеми удобствами человеческой жизни квартиру-избу. Нет, про это одни мечты. Как в поле ветер - смех.

Журналист и фотограф Юрий Рост

Юрий Рост. Статья в «Новой газете»

Самостоятельный философ Селиванов

Сам поиск жилья прокопьевского художника и самостоятельного философа Селиванова свидетельствовал, что человек он штучный. Обитал Иван Егорович, по собственному его письму, в упомянутом городе, в поселке Урицкого под номером дома, скажем, тридцать шесть. Следовательно, располагаться он обязан сразу за тридцать пятым номером, поскольку все дома там стоят по одной стороне дороги. Однако ж дома на отведённом ему простым порядком чисел месте не было. За тридцать пятым немедленно шел тридцать седьмой, тридцать восьмой и так далее...

Изда Ивана Егоровича Селиванова стояла вовсе вне рядка, а именно в стороне, в лощинке, и представляла она собой серый ветхий сруб, обнесённый высоким довольно забором, составленным как бы из муравейного мусора, только в человеческом видении масштаба.

Сам хозяин сидел в дому и на стук не отпирал, поскольку обдумывал очередное художественное произведение живописи или оберегал осторожную, пугливую мысль, шарахающуюся вон из головы при постороннем шуме.

Когда-то Иван Егорович стал известен своими картинами в Москве и некоторых других столицах. Специалисты называли его искусство примитивизмом, а чтобы это слово не обижало старика, ссылались на уважаемые в мире имена, прославившие это течение живописи, а именно Нико Пиросманишвили (фамилию которого Селиванов хоть и не враз, а выучил) и Анри Руссо - этот из Франции.

«Женщина, чистящая картофель». 1959

В борьбе за жизнь и в наблюдениях за жизнью текли дни Ивана Егоровича, и он, разведя чернильный порошок по надобности (чтобы избыточные чернила не замерзали в доме зимой), записывал вставочкой сии наблюдения и философское их осмысление, упоминая о себе, как правило, в третьем лице. И рисовал, когда не холодно.

Из Москвы ему писали задания, рождённые образованными людьми, направляющими народных мастеров, и Иван Егорович доверчиво их выполнял, рисуя из газет передовиков производства. А после, в свободное от отчётного творчества время, садился творить безотчетно, и выходило лучше. Животных любил рисовать Иван Егорович и домашних птиц.

Хозяин и дом его, чистотой напоминавшие железнодорожную шпалу, жили бедно и холодно. Увидев две банки тушёнки, которые я достал для трапезы, Селиванов с некоторой благодарственной укоризной заметил:

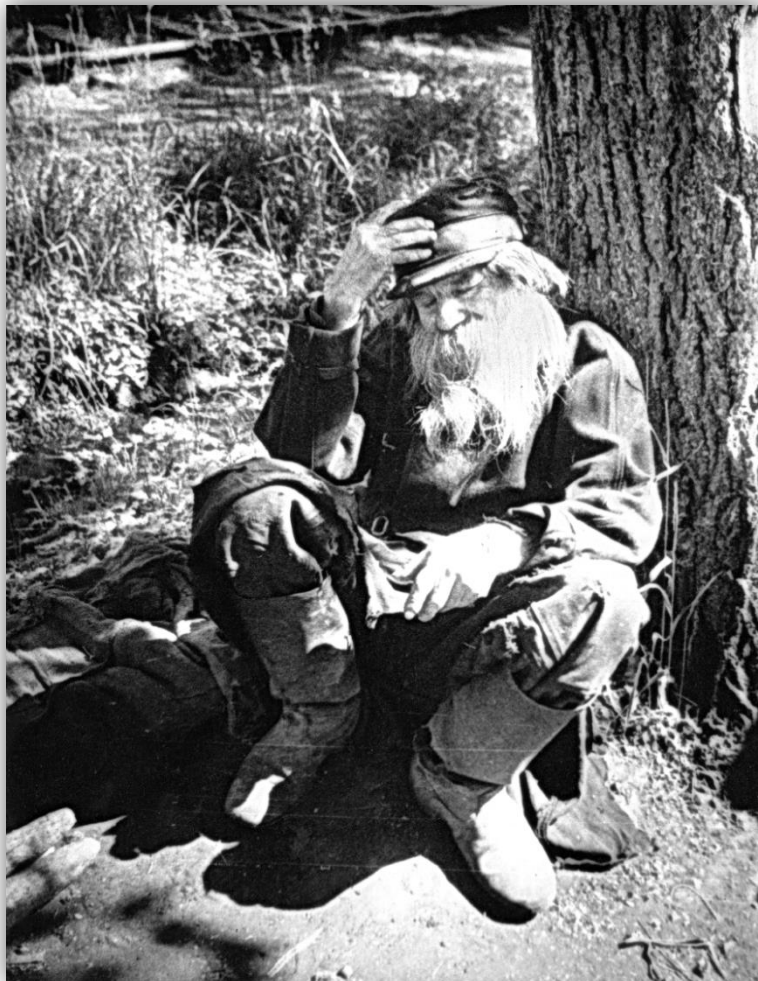
— О, да вы решили по-богатому! — И со своей стороны выгреб пару горстей черной от грязи картошки, каковую высыпал в лохань с подернувшейся льдом водой и потыркал её палкой для достижения приемлемой чистоты.

Пока картошка варилась, художник демонстрировал мне картины малого размера, изображавшие анфас петуха (вы видели петуха анфас?), и даже сама модель была доставлена для доказанья «высокого понимания художественности природы». В конце вечера, попивая из кружек чай, имел с Иваном Егоровичем философскую беседу на темы вечные...

— А что, по-вашему, есть любовь? — спросил я, когда мы дошли до этой материи.

— Любовь, говорите? — он хитро посмотрел из-под седой чёлки. — Любовь, как сказать, есть нравственное притяжение одного тела к другому. Правильно я говорю? — А смерть? — Смерть? Бестелесное продолжение мыслей и дел человека в ощущениях телесных жизней...

Полагаю, Иван Егорович продолжается в наших телесных ощущениях.

И.Е. Селиванов у трамвайной остановки. Фото Елены Светлаковой

У трамвайной остановки

Спустя некоторое время увидел Селиванова у трамвайной остановки ДК им. Горького Я был не один – с дочерью Леной. Она летом жила в Прокопьевске у бабушки. Селиванов продавал морковку...

Рассказывает Лена Светлакова:

- Это было летом, лет тридцать назад на Ясной Поляне. Какое-то время я искренне верила, что именно на этой Ясной поляне жил Лев Николаевич Толстой. У трамвайной остановки стоял полупустой павильон, в котором продавалось мороженко. Возле него бабульки продавали гладиолусы, ранетки, всякие огородные овощи.

Мы шли к остановке, чтобы купить мороженое. Я уже издалека заприметила необычного, живописнейшего персонажа, похожего на дедушку Ау, в странной одежде. Жара, а он в фуфайке, в тёплых кирзовых сапогах и картуз какой-то странный. В те времена я была противнейшая девица. Я поступила в институт культуры, мне нужно было снимать как можно больше фотографий. Мне нужно было снимать людей. А я это не любила. Это сейчас все «щелкунчики», все, у кого фотоаппарат, тот фотограф. А тогда мне казалось дико, подойти к человеку и снять его в упор. Я стеснялась и была сильно зажата.

Светлаков: - У нас был маленький фотоаппарат «Чайка».

- Папа выдавливал из меня раба. Говорил, вот тебе фотоаппарат, иди, снимай этого мужика. Я говорю, ты чё, я не пойду, давай сам.

Я не мог ей объяснить, почему я не подошёл к Селиванову. Мне было стыдно - я пообещал, что приеду снимать его, но, оказалось, обманул, правда, не по своей вине.

- Я подошла к нему и в силу своей такой зажатости, ущербности, я бы даже сказала дебилности, почему-то решила развязно обратиться к нему на ты. Ужас какой-то!

- Ну, чё, можно тебя снять?

Он сказал: «Снимай». Я щёлкнула его раза два-три. Вот эти две фотографии, которые оказались в фокусе. Посмотрите, какая у него кепка. У него на кепке был мох! Он продавал гигантскую морковь, посмотрите, тогда нитратов вообще-то не было. Я не знаю, как он её вырастил. Видно... Щёлкнула ещё пару раз. Вообще-то можно было сделать целую фотосессию. Ну, ладно, говорю, я пошла. Он говорит: «Подожди! Ты запомни, сейчас ты сняла великого русского художника Ивана Селиванова! Запомнила? Ивана Селиванова».

Запомнила. Садимся в трамвай. Я говорю: «Пап, он мне сказал, что он великий русский художник Иван Селиванов!» Он ответил: «Да, я знал».

Вот так я влипла в историю и запечатлела на фото такого человека.

Е.Ю. Светлакова

Из тетрадей И.Е. Селиванова

Про мать и детство

Я не буду рассказывать подробно биографию И.Е. Селиванова, разве что несколько строк из воспоминаний его самого:

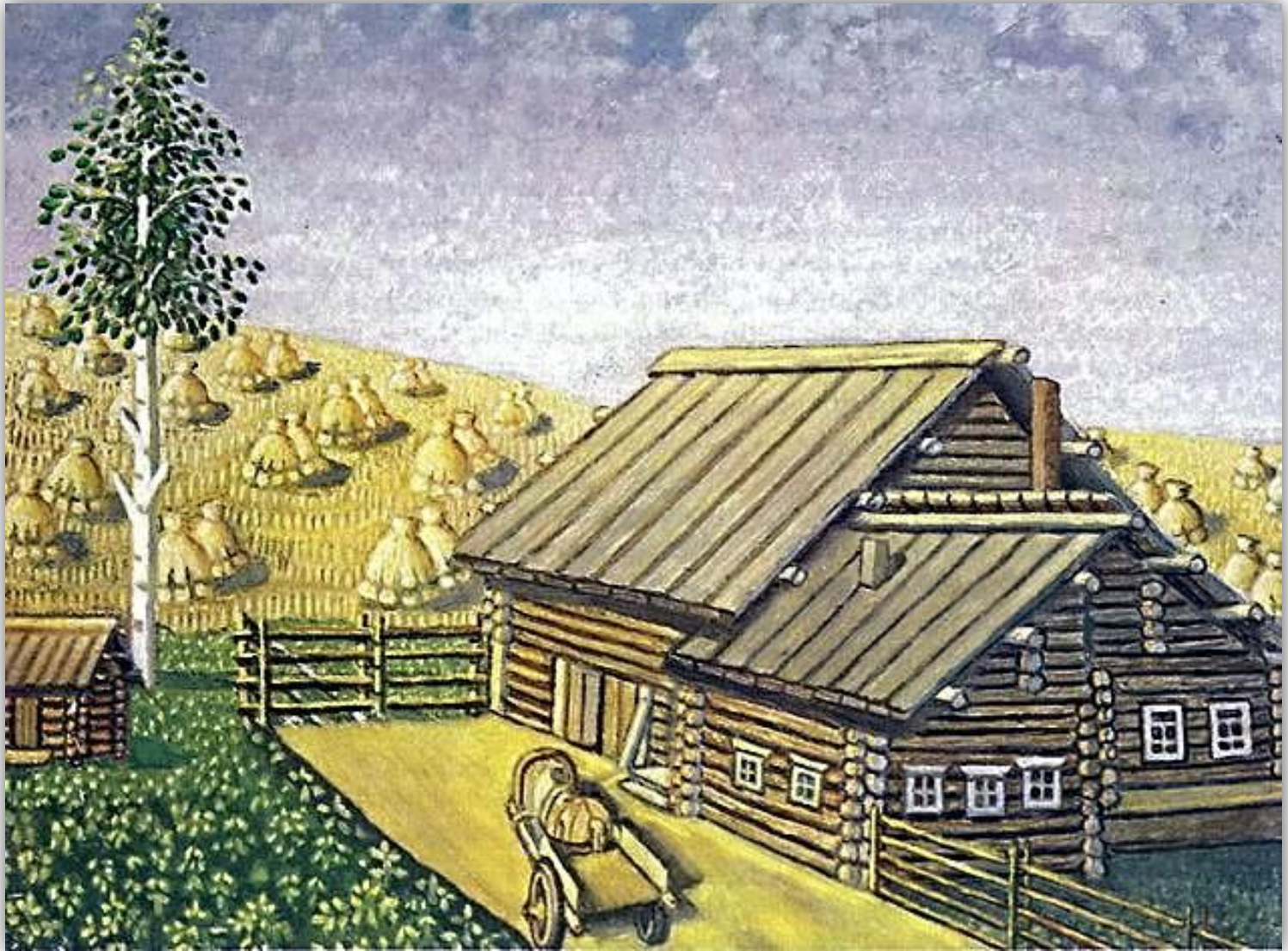
«Родился я в Архангельской губернии, в Шенкерском уезде, в Едемском сельсовете, в деревне Васильевской у бедной крестьянской нищей. В 1907 году в январе месяце у Татьяны Егоровны Селивановой. Мой батя-отец умер рано в 1912 году. У моей мамы нас детей было три сына. У моей матери осталось от отца трое сынов: старший брат был 1904 года, я, 1907 года, младший 1912 года. Моей матери с братом Сергеем и мне сразу же после смерти отца пришлось идти собирать милостыньки ради Иисуса Христа. В 1921 году я пошёл в соседнюю деревушку Ивановску в пастухи. В нашей деревне жить матери и нам трём братьям было невозможно, в силу малоземелья. 5 февраля 1924 года рано утром я покинул свою родину - деревню в 1924 году 5 февраля. Доля и счастье мне было трудное на чужой стороне, тоже было нищенство... Скитался, кусошничал.

...Может быть, глубоко я ошибаюсь. Литературы мало я читал-читаю. Пусть будет так, что прожил жизнь свою я нищим. Молодость свою я нищим проводил. Считаю: это не порок и не позор для личности своей. Знать судьба моя была такая. Избежать судьбу свою нельзя. как говорится: человеку судьбу свою познать нельзя. В уме рисую, рукой пишу. Я видел всё перед собою, где был до нынешнего дня, как строили заводы люди, как воздвигали города? Я не в стороне стоял от строек. В одном ряду с рабочим людом-классом, я также строил воздвигал большие малы города. Я член рабочих и крестьян и всею нищенскою раты. Я выходец из нищенскою рати. Всю нужду и все невзгоды на себе я испытал.

деревня, вот мой дом родной.
В старом доме находилась, за сто-
лом сидел. Мама кель русскую
томила. Караваи из теста
кнута вилки из ржаной му-
ки. Мало ли по дому дел. Кар-
тинки, мыла, вилки, кала, в
кель брить ставила. Ведро
брала на колёсах за водой хо-
дила. Корова во дворе мычала,
кель у малышки просила, а еще конь
рыснул, за каровой рожкал,
тоже самое у мамы кель про-
сы. Я сидел за столом, смотрел
на мамину работу и мечтал:
мама, что синочек, кель тебе
помощь. Возьми шайку мою кар-
тинку, а потом козуру с ней
ощущай маленьким носиком. Это
будет мне надскорье будет сын
Варикъ. Привикай синочек с

детства. Варикъ, стрия катя хлеб,
кель томитъ, это дело не отложь,
но, ко велму учись. Придет время
пойдешь в школу, хорошо учись
день понедельник 5-е октября 1981г.
Одна молодая женщина сербичко
принимала меня ^{встретил} навещать с большим
деревянным караваем серым, с вы-
шивками. Сказала: отрезь от
карава себе столько, сколько
тебе желателно. Я её слова
без укоризненно выслушал. От-
резал 4-ю часть карава.
Сказала: спасибо, она повер
остатком хлеб я ей тогда
обратно. Она посмотрела на
мою старую фигуру. Повернула
к двери избу, кремальница
досвидание и пошла. Такой су-
чай и явление в кель за вет

Сегодня вспоминал далёкие прошлые юношеские годы и годы молодости. Вот моя деревня, вот мой дом родной. В старом доме находился, за столом сидел... Мама печь русскую топила. Караваи из теста приготавливал из ржаной муки. Мало ли по дому дел. Картошку мыла, в чугунок клала, в печь варить ставила. Вёдра брала, на колодезь за водой ходила. Корова во дворе мычала, ись у мамушки просила, а ещё конь рыжий, за коровой ржал, тоже самое, у мамы ись просил. Я сидел за столом, смотрел на мамину работу и мечтал: мама, что сыночек, чем тебе помочь. Возьми шайку, мой картошку, а потом кожуру с ней очищай маленьким ножом. Это будет мне подспорье, будем суп варить. Привыкай сыночек с детства. Варить, стряпать хлебы, печь топить, это дело не отложно, ко всему учись. Придёт время, пойдёшь в школу, хорошо учись. День понедельник. 5-е октября 1989г.

«Моя Родина, мой дом» 1980

Из тетрадей И.Е. Селиванова

Про дом

На самом деле на этой картине не его дом, это, наверное, его мечта построить такой дом, чтобы на фоне было много хлеба, картошка росла, лошадка брела.

Эту картину «Моя родина, мой дом» Селиванов сопровождал такими словами: *«Люблю тебя, русская земля, после тьмы ночной, когда восходит солнце. Всё дышит, всё смеётся, в глаза заглядывает. Радуетя твоё сердце, пляшет душа. Какая ты хорошая, Российская земля, Родина моя!»*

Далее, этот архангельский мужик пишет:

«Сегодня утро особое. Кругом леса, кругом поляны. Природа привлекательная - как магнит тянет. Играют лучи солнечные над водой. Тишина, тишина, нет ветерка. Куда бы ни пошли мы с тобой - перед нами стоит не нарисована картина художника. Это наша природа!

Тебе от природы дадено право глядеть на красоту. Это твоя жизнь, это твое наслаждение, это душа твоя!

Люблю сосновый бор густой! Люблю я реки Северную Двину, Вагу, Пингу, Мезен, люблю Печеру, Серину, Вычегду, Онегу, сороку, Кень. На берегах этих рек живут северны народы. Я познавал их и изучал и весь Север исходил. Почти я в каждой деревушке в своё время ночевал. Так жизнь моя бродяча в юны годы была у меня. Такой я был, наверное, нарождён моею матушкой родной. Звали мать мою Татьяна, по отчеству Егоровна. Она из нищенской среды, из роду племени, как говорится: нищий нищего рождает. Из роду нищих господ, я не сидел и в литературе не читал.

«Портрет девочки в полный рост»

Девочка с посёлка Голубевка

Про рисование

Не сразу Селиванов пришёл к мысли о живописи. Однажды, в 1946 году он пошёл в магазин за табуреткой и случайно увидел живописный рисунок. Стога сена на лугу ценою в три тысячи рублей. Красочность стога сена удивила его. По собственным его словам, *«в жизни переворот произошёл, во всём организме буря поднялась, как в море»*. Захотелось рисовать самому. Впрочем, мне кажется, Селиванова привлекла цена: три тысячи за такую маленькую картинку?! Он и решил нарисовать что-нибудь сам.

«Знакомые, близкие подняли меня на смех, - вспоминал Селиванов, - Что удумал, чудака, в сорок лет учиться! И чему? Пустяку какому-то, рисованию». Жена тоже негодовала: «Лучше бы печи клал!». Но я твердолобым родился, что надумал, то вдругорядь, а и сделаю».

Кстати, фамилия Селиванов произошла от мужского имени Селиван - «Бог лесов».

Первым нарисовал воробья... Сначала рисовал карандашом, позже – освоил масляную живопись. Часто рисовал по впечатлениям просмотренных фильмов. Я уже говорил про рисунки на стене его дома: «Журналист», «Анка-пулеметчица», «Павка Корчагин».

Я мог не раз видеть Селиванова в послевоенные годы. Я сам прокопчанин, жил в центре города и часто ходил в гости к маминой сестре – тёте Нюре. Она жила на Голубевке в небольшом домике с детьми. Попробую их перечислить: Евгений (почему-то её звали Евдинья), Шурка, Костя, Юрка (мой одноклассник) и Полинка. Они иногда ходили собирать уголь с терриконика шахты им. Сталина. Вот там я мог видеть этого маленького бородатого старика, или же в кинотеатре им. Николая Островского, где я почти ежедневно пропадал.

- или ублажишь, а хозяйствен-
ные - домашние работы откладывай
на задний план. Да и севанне-
севанне, дошло до по-
лого захлещения и грехи и
опустошения. Ничего подмайт
Милому. Давно некогда сходил
в баню, привел свой облик в
человеческий. Что делать, как
быть?.. Жизнь потеряна на этом
севанни, в надежде на буду-
щее... Теперь все... Вот вот по
этому ты Иван Егоравич или
или кружка, нет ни руки, нет
ни руки. Некоторые говорят
из людей, смотри какой Иван
Егоравич, как живет не в азии,
но далеко слышно... Значит есть
люди, которые делают и зави-
дуют образу - образ изуро-

добавляем человеку. Придем
забытым без в Киндичи и ску-
верками. Не кому не нужны
... Время такое. Время такое что
оно безобразно, люди медленно
становятся по времени образ
ванней и разбитей во всех
сферах человеческого труда
из чего не ходит все существам
и сама жизнь человека.
Не похваляйся, не обманывай,
можно быть не продохом, за
хорошо не божере... Такая
фривра существует из дав-
на в народе, можно сказать
сравнения мировой системы,
человека, за кетину правду,
человек - человека удерживает
и прищипывает вуде и вуду.
А если Нурень, то расстает.

Рисованием увлекаешься, а хозяйственные-домашние работы откладываешь на задний план. Да, рисование-рисование, довело до полного захламления и грязи и опустошения. Ничего поделать не смогу. Даже некогда сходить в баню, привести свой облик в человеческий. Что делать, как быть?... Жизнь потеряна на этом рисовании в надежде на будущее... Теперь всё... Вот поэтому ты Иван Егорович пришёл к ручке. Нет ни муки, нет ни ручки. Некоторые говорят из людей, смотри какой Иван Егорович, хошь живёт не важно, но далеко слышно... Время такое... Время вечно одно оно бесформенно. Люди меняются, становятся по времени образованней и развитей во всех сферах человеческого труда, из чего исходит всё существование и сама жизнь человека. Не похвалишь, не обманешь, плохую вещь не продашь, за хорошу на базаре... Такая формула существует издавна в народе.

1 декабря 1981 г.

Размышляя иногда о творческих творениях. Вот картины когда видел я, в одной купеческой избе: лес сосновый, луг зелёный. Извозчик едет зимою в пашевнях. Точно это всё живое. В глазах, памяти стоит у меня до сих пор. Отрадой веет в душе моей. Забыть творенья эти я не могу.

Сегодня я рисую свой старый дом по представлению. Внутри двора скотского ходит Аннушка Павликова запирает большие ворота. Работу я выполняю на хорошей ватманской бумаге карандашом. Представление и выполнение у меня работы выходит. Как я понимаю не хуже любого деятеля-рисовальщика.

«Художество было для него не самоцелью, а способом развивать себя и откликаться на боль мира», - вспоминал его педагог Юрий Григорьевич Аксёнов.

Интересные воспоминания о том, как рисовал Селиванов, оставила в новокузнецкой библиотеке им. Н.В. Гоголя искусствовед Иванова Галина Степановна:

«Очень памятен мне день 24 апреля. Я пришла к Ивану Егоровичу часов в 11. Он начал меня рисовать. Потрясённая, смотрела я, как тяжело ведёт он линию, бесконечно её подтирая, совершенствуя. Привыкнув к мгновенным, порой на глазах завершающимся графическим рисункам художников-профессионалов, я видела нечто совершенно другое: процесс мучительный, трудный. Линия задышалась, пульсировала, спотыкалась и все-таки выбиралась, становилась свободной. Он схватывал нечто большее, чем внешнее сходство. «С натуры, - объясняет художник, - рисую первый раз. Ну, как это я могу усадить человека, да и время у него отнимать. Так всё по фотографиям, да по памяти рисую».

За работой много и охотно говорил и, похоже, это ему не мешало, и я поняла, - он тоскует, что нет у него учеников, так много накопил он в себе: есть что рассказать, есть что передать...

Он говорил так: *«Я произношу свои картинки на фоне неба. Позировщик. Мозговая система моей головы. Выражение волос. Фигура лица. Губы не важная часть тела».*

Как же разгадать мудрёную загадку, откуда у этого мужика, который начал рисовать в сорок лет, такой забавный почерк рисования окружающего мира. Попробую высказать свою версию. Рисовал Селиванов в состоянии изменённого сознания. Подтверждения тому - его записи в тетрадях, где он часто упоминает, что его мозг взорвался, окружение кажется ему то большим, то маленьким. Я подобное испытал в детстве, когда заболел корью, после того как провалился по пояс в яму с ледяной водой. Температура под сорок. Чайник на печке казался величиной чуть ли не со слона, и, в тоже время, большой самовар казался очень маленьким.

У Селиванова написано: *«Был как бы в пекарне, видел такие огромны хлеба, поджаристы, невозможно обращать словом. В этой же пекарне, только в другом отделении, видел такой же хлеб, но этот хлеб разрезан, он мне казался во всю стену с потолка до пола, кто, чем мог разрезать. Неужели есть такой нож у пекарей... Причём разрезано очень чисто, по разрезу видно, хлеб ноздреватый».*

Такие мысли изменённого сознания чуть ли не на каждой странице.

«Нельзя разгадать самому себя без помощи других. Может, это есть причуда? Дьявольская сила в мозгах моих?» - писал Селиванов. Может быть, в этих словах ответ на вопрос, откуда у него такой почерк. Я не буду в пример приводить Ван Гога, Пиросмани, или других художников, но такое возможно.

Селиванов нашёл свою ячейку в многообразной сотовой конструкции живописи. Это так же как Шукшин снимал своё кино о чудиках, Тарковский – о снах.

Ещё одна особенность у этого художника – он искал красоту, по сути, не выходя из дома. Расскажу притчу. Один монах пошёл искать по свету красоту. Обошёл весь Белый Свет – ничего не нашёл. Вернулся домой. Утром вышел на крыльцо и... В лучах восходящего солнца увидел каплю росы. И воскликнул монах: *«Зачем же я таскался по Свету в поисках красоты, когда она у моего порога!»*

«Примитивист» - тот, кто примитивно, неправильно рисует, не так, как учат всех. На мой взгляд, примитивист – художник, который пишет свои картины, похожие на первобытные рисунки наших предков. Как много я таких картин видел на базаре после войны. Тут тебе и «Лебеди в пруду» и «Иван Царевич на сером волке». Картины же Селиванова отличаются от «ковровой продукции» тех лет простотой изобразительных средств в написании таких же простых сцен из повседневной жизни. А манера письма лишь подчёркивает его отличие от других.

Фильмы о И.Е. Селиванове

«Люди земли Кузнецкой». Режиссёр М. Литвяков, Ленинградская студия документальных фильмов, 1969.

«Они рисовали с детства». Режиссёр К. Ревенко. Объединение «Экран» ЦТ, 1979.

«Кузбасский Пиросманишвили». Автор М. Кушникова. Кемеровская студия телевидения, 1981.

«Серафим Полубес и другие жители Земли». Режиссёр В. Прохоров, оператор П. Лебешев. В гл. ролях: Р. Нахапетов, Э. Бочаров. В. Самойлов, Д. Михайлова. Мосфильм, 1984. Фильм получил приз на Международном конкурсе в Карловых Варах. В основу фильма легла биография Селиванова, были показаны его работы. Фильм рассказывает о деревенском художнике-самоучке, так называемом «наивном» живописце. Внимание зрителей буквально приковали кадры, в которых показывались работы художника: «Собака», «Корова», «Петух», «Девочка кормит кур», «Кот», «Автопортрет».

«Иван Селиванов. Фрагменты жизни». Режиссёры-операторы В. Шкода. С. Шакуро. 1986.

«Живописного ремесла мастер». Автор М. Кушникова, режиссёр Н. Ставцев, оператор Ю.Светлаков. Кемеровская студия телевидения, 1987.

«Кто нарисует коня». Режиссёр С. Лаврентьев. Западно-Сибирская студия документальных фильмов, 1987.

«Синий кот на белом снегу» Режиссёр В. Ловкова, оператор А. Зайцев. ЦСДФ, 1987. Фильм о художнике И. Е. Селиванове.

О фильме «Серафим Полубес и другие жители Земли» написано, что в основу фильма легла биография Селиванова, но там только были картины Селиванова. Кино, так себе, кино про любовные отношения какого-то приезжего из Москвы товарища к деревенской девушке. А что касается Селиванова, то там какой-то мужичок ходил, совсем не похожий на нашего художника.

«Люди земли Кузнецкой»

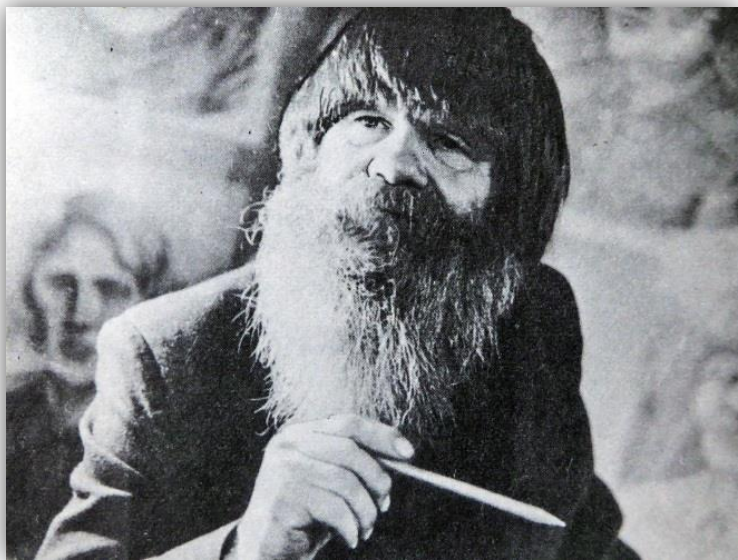
Михаил Литвяков в 1968 году снял большую картину «Люди земли Кузнецкой», я её, к сожалению, не нашёл и не видел. Правда, один фрагмент всё-таки видел - о нашем инженере Вдовине. В фильме было несколько эпизодов - один эпизод посвящён Селиванову. Весь Интернет облазил, не нашёл. Так как я фильм не видел, то ничего сказать о нём не могу. Покажу лишь несколько найденных в своём архиве фотографий: рабочий момент съёмки, пару кадров из фильма и портрет режиссёра работы Селиванова.

«Кинорежиссёр М.С. Литвяков»

На съёмках фильма «Люди Земли Кузнецкой»

Кадры из фильма «Люди Земли Кузнецкой» 1969

Какою бы мелочью ни были, я вам, на бумаге, пишу
Нелюбимы когда мидуд моя превратится в правду.
Селиванов Иван Сергеевич 27-января 1982г.

~~В раздумье~~ Поздно вечером из потапового эфирно
вышел я сегодня в воскресенье 31-е января письмо по руко-
писи знакомой. Это ^{писанное} от Михаила Сергеевича Литвякова.
Зашел в избушку разрезал - раскрыл письмо, прочитал, а
зашел стал разрабатывать каждое слово досконально,
так, как помню по воле своего разума - ума. Чувствую,
сердце принимается стучаться с повышенным [тревож-
ными ударами]. От этого мои глаза подернулись слез-
ливой оболочкой и начали появляться капельки слез. Что,
бы не рыдать, я начал удерживать сердце и направ-
ляющим свой ум своим ^{не валишь} ~~любом~~. Рассуждаю: он давний режис-
сер документальных фильмов, место его работы, Ленинградская
студия документальных фильмов. Он имеет богатый опыт
по своей работе. Этим он и отличается от других режиссе-
ров многих городов и студий страны. Из его ~~книг~~ писем ко
мне Селиванову Ивану Сергеевичу. Я вижу в каких толь-
ко он в чужеземных странах не был. Трудно сконпнто-

**Из тетрадей И.Е. Селиванова.
Ответ на письмо Михаила Литвякова**

Какую бы нелепость ни говорил я вам, на бумаге, думаю, нелепость когда-нибудь моя, превратится в правду. Селиванов Иван Егорович, 27 января 1982.

Поздно вечером из почтового ящика вынул я сегодня в воскресенье 31 января письмо, по рукописи знакомой. Это письмо от Михаила Сергеевича Литвякова. Зашёл в избушку разрезал-раскрыл письмо, прочитал. А затем стал разрабатывать каждое слово досконально, так как понимаю по воле своего разума-ума. Чувствую, сердце принимается стучаться с повышенными тревожными ударами. От этого мои глаза подёрнулись слезливой оболочкой и начали появляться капельки слёз. Чтобы не рыдать я начал успокаивать сердце и направляющий свой ум своего мозга. Не волнуйся - рассуждаю: он давний режиссёр документальных фильмов. Место его работы, Ленинградская студия документальных фильмов. Он имеет богатый опыт по своей работе. Этим он и отличается от других режиссеров многих городов и студий страны. Из его писем ко мне Селиванову Ивану Егоровичу я вижу, в каких только черноземных странах он не был.

Трудно сконпоновать мне, ввести в одно русло все мысли и помыслы о его работе. Этот вопрос, поставленный мной мне, кажется, не у меня одного таится в моей голове, а многих кто интересуется трудом режиссёра вообще. Ведь режиссёр такой же важный работник культуры, как и всякий художник по своим познаниям, делам, но люди знают и ценят труд человека по любой отрасли познания, по его качеству труда. Литвяков меня производил в кино-картине «Люди земли Кузнецкой» в 1968 году, но мне про себя так и не пришлось видеть. Жаль до сих пор. Такие были обстоятельства моей жизни.

Во всяком деле имеются свои художники маленькие и большие, но в народе принято назвать человека художником, кто рисует. Это люди, передовой отряд всей красоты в промышленности всех рангов и во всякой науке. Иначе назвать, художник это есть человек фантазёр по своему делу. Любой человек. Кто бы он ни был без фантазии, двигаться вперёд по жизни не может. Он как слепой.

Тринадцать лет пять месяцев назад встретился я с вами - с тобой. Встреча была неожиданной для меня. Она послужила уроком для моей жизни. Этот урок был и есть дорогой жизни моей. Хотя никуда я не ездил и не ходил от своей хибары-избушки. Но время жизни, в дороге идёт невидимо глазу не ощущается телу человеческому, а солнце вертится вокруг твоей жизни.

Какой бы не был умный-памятливый человек, он не в состоянии запомнить пассажиров на вокзале всех. Михаил Сергеевич! У Вас не испарилась фигура Селиванова Ивана Егоровича. Удивляюсь. Значит, вы имеете зримое остроумие отличное для человека-режиссёра это важно, как для большого государственного деятеля или крупного учёного. Человек, человеку запоминается тогда, когда человек человеку, в чём либо, нужен. Считаю: но больше люди нужны в взаимодействии на работе... Вы как то мне говорили в одном из своих писем ко мне, о писании книги своих героев, как у вас эта работа продвигается?... Мне кажется вам некогда писать, жаль, хотя вы и способный человек к своему делу. Получали ли вы моё большое письмо-тетрадь после этого длинного перерыва... если получали, то что вы в нём в этой писанине поняли и что полезного нашли? Интересно знать. Разберись Михаил Сергеевич, а потом скажешь мне о моём вранье-фантазии. Так или не так рассуждает сам с собою ваш мало знакомый художник кисти. У нас художников достаточно разных рангов по каждому делу. Кто выполняет своё дело на отлично, тот и художник.

Каждый ли этого может достигнуть в своей жизни? Нет. Их числа многих художников имеется и не малый отсев через сито критиков. Вся мелкая дрянь проскакивает через сита. Остаётся на ситах лучшая продукция, т.е. лучшие мастера своего дела. Рассуждаю, о прошлых ваших письмах. Мысль не испарилась у меня об упоминаемом вами писателе России, который собирался ко мне приехать. Зачем... Ваш знакомый России когда-то вёл разговор обо мне с вами, но это был его разговор с вами не реальный, а предварительного характера... подобно бабьих сплетен, от нечего делать. Люди разговаривают так в своей жизни повседневно везде-повсюду, но когда у людей, разговаривающих о деловом вопросе в серьёз, то картина разговорной речи сразу же меняется, как композиция-построение о чём-то. Это были мысли вашего-твоего знакомого художника слова - писателя с вами.

Эти мысли ваш - твой знакомый отклонил, о поездке ко мне, это его дело, лично... Писатель России был в рассеянном состоянии своего ума в то время, когда собирался ко мне в дальний путь дорогу России, мечтал: делать мне у Селиванова Ивана Егоровича нечего. Словесную картину большого значения я о Селиванове не могу создать. Селиванов это художник кисти ещё не то, как действительный, а просто так себе. Промежду... Где бы ни жил художник своего дела и кому бы это художник не служил, так или иначе художник служит и работает только ради куска хлеба, как самый простой обыкновенный рабочий рабтруда. Увлечённость человека к своему делу ничего не подделаи. Чем-то человеку нужно заниматься. Труд человека художника своего дела является красотой, для всех живущих на земле, но не каждый человек этой красотой пользуется в своей повседневной жизни. сам художник - творец красоты. Любуется своим делом только в процессе труда.

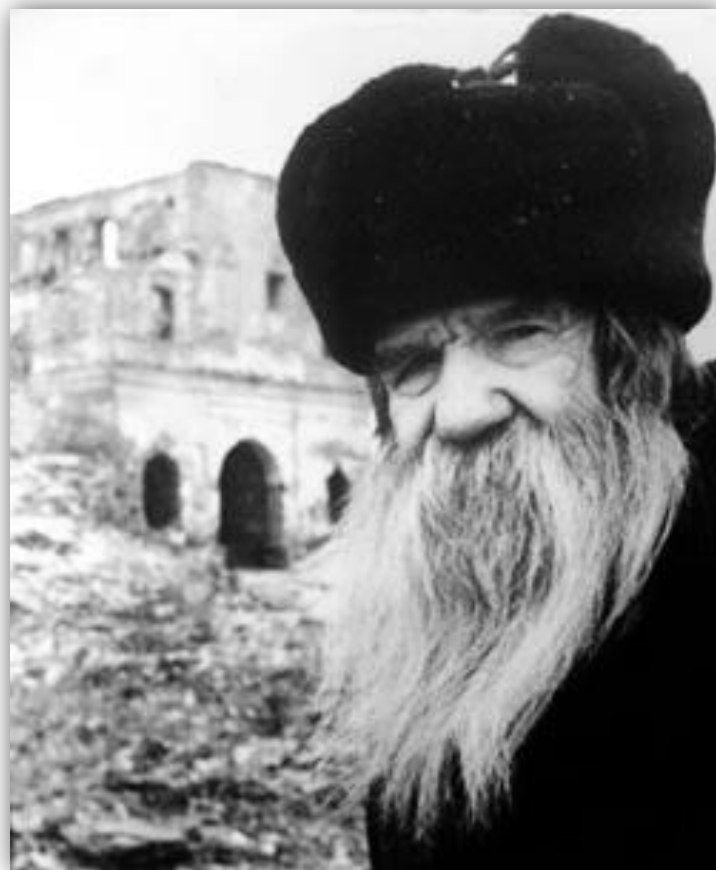

Фото В. Шкоды и С. Шакуры

«Иван Селиванов. Фрагменты жизни»

Студенты Володя Шкода и Сергей Шакуро учились на нашей кафедре кинофотомастерства Кемеровского института культуры. Я там преподавал операторское мастерство. Вот тогда-то они рассказали историю, которую я потом ещё раз прочитал на сайте новокузнецкой библиотеки им. Н.В. Гоголя. Рассказывает Сергей Шакуро:

«В Новокузнецке гастролировал театр «Ленком» и к нам в студию (был такой кино-фото кружок при КМК, студией назывался) пришли актёры Николай Караченцов и Олег Янковский. Буквально накануне, знаток живописи и коллекционер Олег Янковский наведлся к Селиванову в гости, не догадываясь о чудаковатом нраве хозяина.

Приехал он в Прокопьевск, зашёл в дом. Селиванов спрашивает:

- Кто такой?

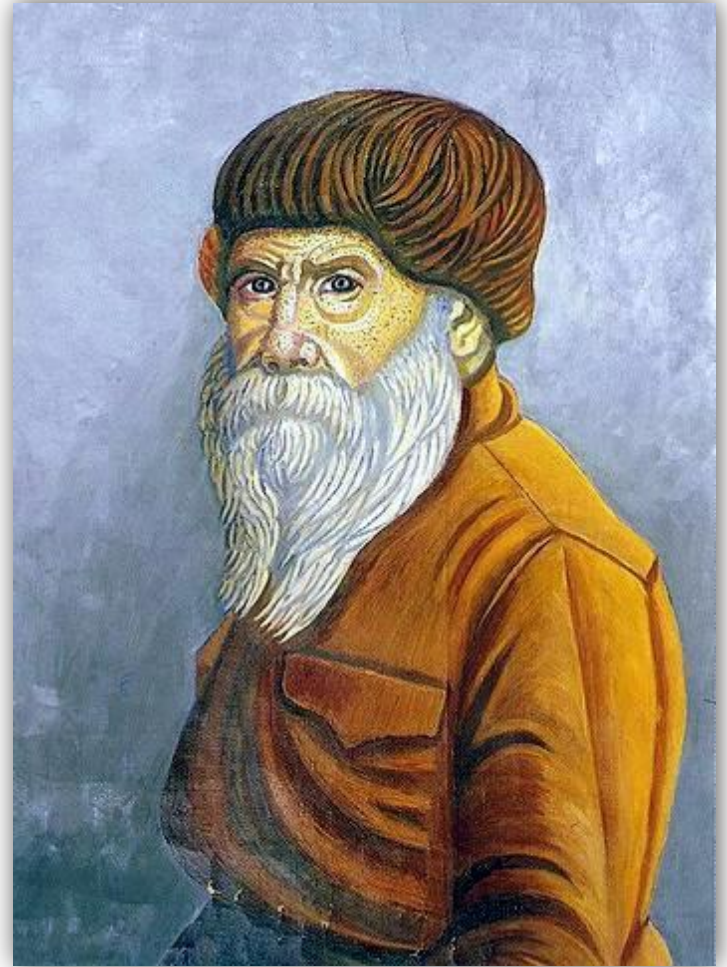
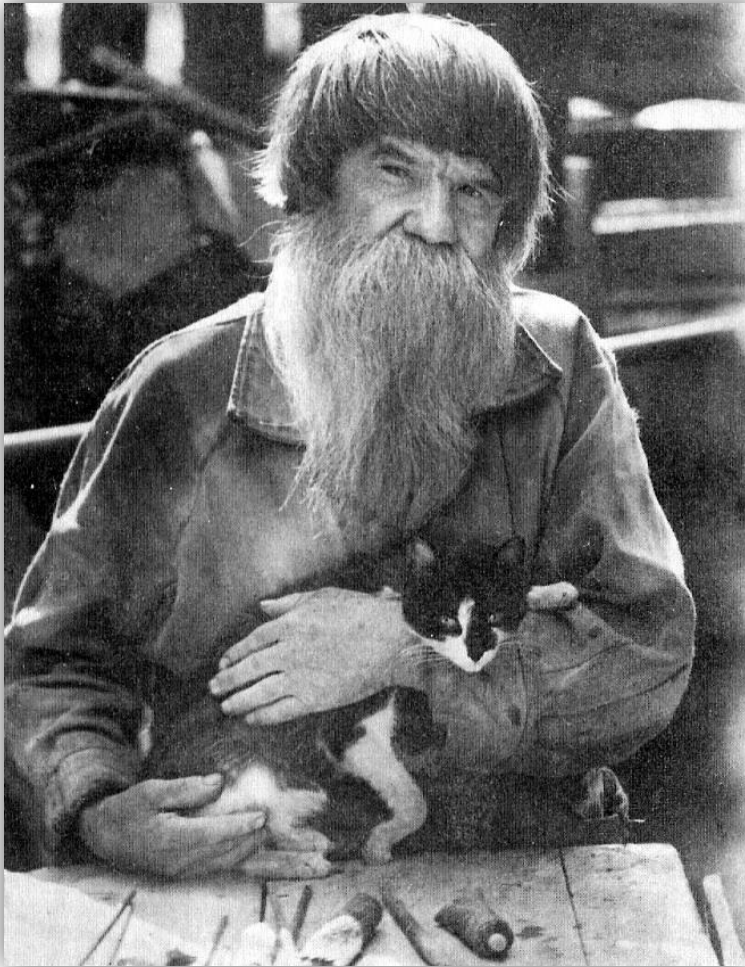
- Я известный актёр Олег Янковский, - начал с порога ленкомовец.

- Ну и езжай себе дальше, - махнул рукой Селиванов.

Свои картины он так и не показал: Иван Егорович панибратства не любил, но и шапок ни перед кем не ломал. Мы его уговорили приехать в Новокузнецк на встречу со зрителями в киноклубе «Диалог».

В тот приезд 1986 года Иван Егорович прожил в нашем городе больше недели. Побывал у «Вечного огня», на Кузнецкой крепости, в художественном музее, планетарии, краеведческом музее, музее Ф. М. Достоевского... Был радушно принят в мастерской художником Виталием Кармановым, который щедро одарил мастера кистями и красками.

Мы попутно снимали на 16 мм плёнку. Потом смонтировали фильм «Иван Селиванов. Фрагменты жизни».

И.Е. Селиванов

О встрече со зрителями в библиотеке им. Гоголя вспоминает искусствовед Иванова Галина Степановна:

«22 апреля 1986 года в 17 часов в библиотеке мы встретились лицом к лицу с этим уникальным кузбасским самородком и воочию ощутили его родниковую чистоту и мудрость. На встречу Иван Егорович привёз последний «Автопортрет», который завершил за несколько дней до приезда к нам. Мы были первыми, увидевшими эту работу.

В зале - уважительная тишина. Вопрос к художнику:

- Как долго пишете работу?

Отвечает вдумчиво, обстоятельно, сыплет сочными, колоритными словечками:

- Так считай: один глаз пишу три дня, другой еще три дня...

Все в зале заразительно смеются. Так по-детски хорошо, добро звучит ответ. Опять вопрос:

- А много ли у Вас друзей?

Ответ поражает горечью:

- У меня нет друзей. Вот разве что Литвяков, он мне как сын.

В книге отзывов киноклуба «Диалог» художник оставил такую запись:

«Сегодня 22 апреля 1986 г. Приезжала ко мне в поселок Инской города Белова Иванова, посланка - представитель г. Новокузнецка от работников культуры. Все работники культуры отнеслись ко мне, как к человеку и как к художнику с большим пониманием, чего я не мог ожидать по своему социальному состоянию о прошлой моей жизни. Это значит для меня есть не что иное, как факел моей жизни. Всех видов и рангов, которые состояли в Центральной библиотеке имени Гоголя. К сему Иван Егорович Селиванов».

Кадры из фильма «Иван Селиванов. Фрагменты жизни» 1984. Авторы В.Шкода, С.Шакуро

Интервью из фильма «Иван Селиванов. Фрагменты жизни»

- Пока такого человеческого сознания такого, чтобы человек человеку помогал - нет. Наши люди и не только наши, понимают, человек погибает где-то, а люди проходят мимо него безо всякой помощи ему. Поэтому мы - люди пока живём в таком кошмарном состоянии своей жизни, поэтому мы живём, не имея знания поддержки человека человеку, понимаете. Самое главное в жизни, это знание о помощи.

Правда в мире светла и равна солнечным лучам на всём продолжении жизни всех людей. Мало кто умирает своей смертью, их вешали-казнили. Правдивых людей множество, правдивых не научили справляться со своими врагами, поэтому они умирают кошмарной смертью от врагов своих. Нельзя описать мне и вам глубины человеческой жизни, про правду и кривду. Ни один из пророков-философов, ни святых, кошмарную жизнь не опишет, насколько работали наши предки с седых времён. У нас правда одна, и каждый из нас второй погибает за правду свою в борьбе своей. Поразмышляй над словами, написанных мной здесь на бумаге.

Почему я казённый человек? Потому что я свободу жизни, свободу труда не имею, как в своей избе. Складываются такие моменты жизни, что я на основе расстройства души не могу работать. Болею душевно. Что мне делать? Почему я, понимаешь, попал в такие условия, что каждая засранка - баба, понимаешь, распоряжается мной? Какое ейно дело, куда бы я ни сел, где бы я ни работал? Почему она мои дела касается? Она не имеет в мою душу права влезать.. Это же влияет на весь организм, мозговую систему.

Человек служит или за деньги, или за принцип. За деньги можно любого человека продать. За деньги можно человека любить и убить. Ты согласен с этим положением или нет?

Кадры из фильма «Синий кот на белом снегу». Режиссёр В. Левкова. 1987 г.

«Синий кот на белом снегу»

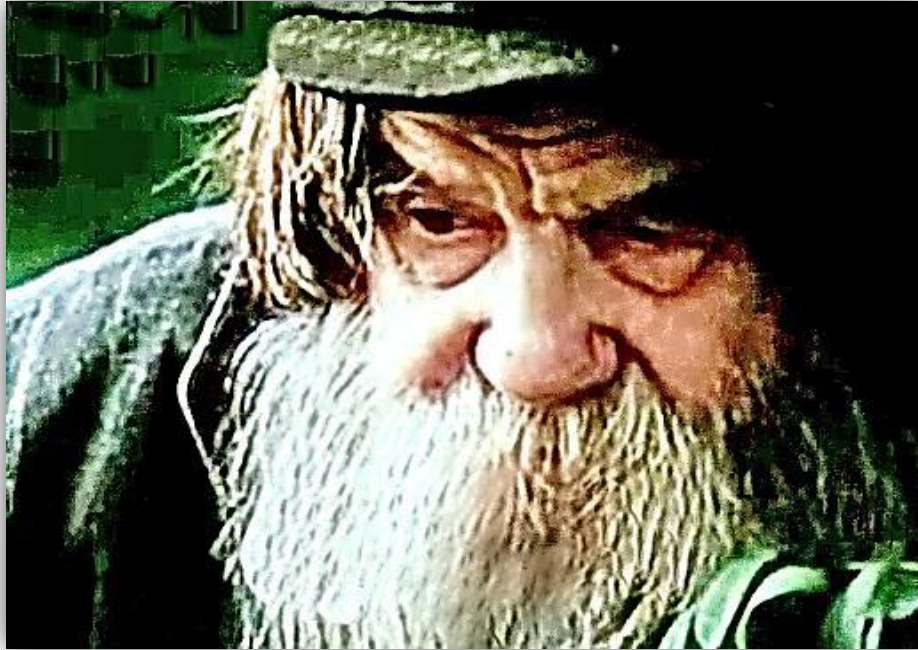
Интервью из фильма

Селиванов: - *В чём тут соль жизни, моёй лично? Я родился в нищем сослови, и так скитаюсь всю жизнь. Вот я какой человек. Я с сорока годов начал рисовать. Хозяйка меня обидела. Думаю, дай попробую рисовать и стал с этого времени пробовать. И так с этого времени из меня и получился художник. Тут надо упорство большое, а у меня упорства хватало. Тут надо терпение, чтобы человек умственно не колебался, не расстраивался, делал свою работу. Понимаете, сто раз переделывать, чтобы она была похожа на действительную жизнь. Понимаете? А ты думала, как?*

- Мне, например, до сих пор не понятно, откуда у русского мужичка такое большое ощущение. Наверное, какие-то репродукции рассматривал, наверное, просто родился таким.

- *Не, я простой человек, я интеллигентом себя не считаю. Меня спрашивают, почему ты в таком простом одеянии, я ещё у тебя спросил, а как мой костюм? Хорош или плох? По мне он хороший, дыр нету, незапачканный, а больше чего нужно? Больше мне ничего не нужно. Я же не форсун, я же не интеллигент, я же из простых. Только звание между простым и мною присвоили какое-то небольшое. Качество между интеллигентом и простым. Интеллигент абсолютно ничего не работает, окромя того что как умственно. А я работаю, понимаете, всякую работу. Вот я жил один в Прокопьевске, я домашние работы исключительно делал только сам.*

Соседка: - Сколько я жила, всё время рисовал. Летом он мало рисовал, он работал, он печи клал на хлебзаводах, он работал в сторожах и уходил туда на хлебзавод. Все дружно мы с соседями жили. Потом его стали обижать, деньги займут - не отдают. Многие ему должны. Воровали. Он уехал из-за их. Окна разбивали ему. Он вот такие гвозди забьёт – придёт, всё вытащено. Он аж как женщина плакал.

Кадр из фильма «Синий кот на белом снегу». 1999 г.

- Счастье моё заключается только тогда, когда я хорошую работу выполняю. Это всё и моё счастье. Творчество. А другого счастья, вроде находчивости, понимаете, такого счастья я не встречал.

Я не нуждаюсь в деньгах, мне на прожиток и этого хватит. Я роскоши жизни, понимаете, не видал, а теперь мне нечего с роскошной жизнью делать. Вообще, государству ни одной скотины не разрешаю продавать. Так как русский человек, пусть в нашем русском государстве они и существуют.

Хватит, это последний раз вы меня снимаете, если и была бы картина, то только так.

«Кузнец»

«Цветы»

Рисунки И.Е. Селиванова

В посёлке Инской

Съёмка в Инском

Ещё одна встреча с Селивановым у меня состоялась на съёмках очерка в посёлке Инском.

Пришло время, когда обвалы подползали к дому Селиванова на Марсе. Он был вынужден покинуть обжитые места и переселиться в дом престарелых в посёлке Инском под Белово.

По его воспоминаниям: *«Попал я в тюрьму не по своей воле. Ведь это для меня тюрьма. Был бы покрепче, разве бы переехал».*

На зависть другим «отдыхающим» Селиванову был построен отдельный дом. Ну, понятно, он стал известен, не только в стране, но и во всём мире. Однако, Селиванову не нужен был казённый дом, он любил свой на Марсе, где он «купался» в нищете. Как я помню, многие его не любили и не понимали, особенно начальство. Тут пошли выставки, слава по всей земле Русской и заморской, начальство вынуждено было обратить на него внимание, построить хотя бы дом в ограде дома престарелых.

Мне «повезло» снимать Селиванова в Инском. У нас на студии появилась новая редакторша, назовём её ММ. Ей во всём давали «зелёную улицу», чего бы она только не захотела. Цикл передач – пожалуйста. Съёмку очерка – пожалуйста. И никаких предварительных сценариев. И вот она надумала снять кино про Селиванова. Вспомнили, что я когда-то был знаком с Селивановым, то оператором назначили меня.

В своей неплохой книжке она пишет, что мы снимали этот фильм долго. Ну, как долго? Утром приехали - вечером уехали.

Первое, что меня удивило, когда мы приехали и зашли в дом. Дом, как дом, хорошо слеplen - не избушка на Марсе. В дальней комнате кровать, большой стол, два окна. На кухне печка, стол, на столе кружка, ложка, полбуханки хлеба. Вы это видели в фильме «Иван Селиванов. Фрагменты жизни». Селиванов спал не на кровати в комнате, а на лавке в кухне.

Второе, что меня удивило, везде и всюду, на чайнике, на холодильнике, на кровати, на стуле везде написано «инв. №34», «инв. №135»... Везде и всюду инвентарный номер. Я говорю, «Ребята, классно! Пока дед спит в сапогах, на лавчонке, давайте на сапогах у него напишем инвентарный номер такой-то». Мне в ответ в один голос режиссёр и редактор: «Ты чё, с ума сошёл, нельзя это снимать, это некрасиво». А мне показалось, это интересно, как в мультике «Они меня сосчитали!»

Тогда, говорю, давайте снимем другой кадр. Здесь же в пристройке есть банька. Поставить свет в окошечко с той стороны, поддать пару. Снять кадр в тумане как дед выходит из баньки в кальсонах. Классно будет. Они мне: «Ну как это, голого снимать!? «Нет, не голого, а одетого». Нет, нельзя. Тогда, как и что же снимать?

Мне говорят, наварим картошки в мундирах, сказали мне, позовем детей. Дети возьмут кошечку на руки. Они будут задавать Селиванову вопросы, а мы будем, извиняюсь за выражение, «кушать» картошку в мундирах и он будет нам рассказывать, как дошёл до такой жизни. Вся охота снимать у меня пропала, потому что чушь какая-то.

Снимать пришлось. Дед чаще молчал. Привели детей. Селиванов по принуждению рисовать не стал. Я снял на фото несколько карточек, где Селиванов как бы рисует. Он ничего не рисовал, продолжал молчать... Потом что-то прочитал из своих тетрадей. И всё. Может мне так показалось, другие нашли в отснятом материале крупицу жизни Селиванова – не знаю, я её не увидел.

«Мастер должен черпать материал для своей продукции в обществе, в котором живет, а общество богато многими мыслями, чувствами и делами, только они заложены в разных людях, и если мастер не имеет подхода от человека к человеку, он не добудет материала для творчества. Будь он хоть самый золотой мастер,— ничего полезного для всего общества он не сделает, если не заглянет в душу каждого человека», - я думаю, это он говорит об искусстве».

В тетрадях у Селиванова увидел такие строчки:

«Какие у вас чувства, обстоятельства и рабочие планы, то есть чем вы будете заниматься? Вы не волнуетесь? Если не волнуетесь - обождите. Без волнения нет никакого дела».

Вспомнил своего любимого оператора Сергея Павловича Урусевского, который говорил «когда волнуясь я во время съёмок – волнуется потом и зритель. Когда равнодушен я – равнодушен и зритель». Действительно, если ты не волнуешься во время съёмок, во время написания картины, то отзвука в зрительских сердцах вряд ли найдёшь.

Не знаю, сохранился ли этот очерк на студии, даже если сохранился, то смотреть я его не хочу и не буду. Есть вещи, снятые из-под палки, за которые стыдно и по сей день.

Давайте лучше вернёмся к тетрадям И.Е. Селиванова.

«Часы тикают с незапамятных пор... Время копится. И раскрывает секреты творения. Если мастер не имеет подхода к человеку, он не добудет материала для творчества. Будь он хоть самый золотой мастер – ничего полезного для всего общества он не сделает, если не заглянет в душу одного человека».

«Работай, давай, с напряженностью-отдачей всех сил хотя бы простую крестьянскую работу, и ты – первый человек! Работать надо красиво и прекрасно! Плотник, ткачиха, любой рабочий, если работают красиво, - это то же самое искусство!»

На съёмках очерка «Живописного ремесла мастер» 1987

Кадр из очерка «Живописного ремесла мастер» 1987

Селиванов в доме престарелых в Инском. Фото В. Воробьева

Фото В. Соколаева

«Автопортрет с другом»

Редактор Зоя Естамонова

На выставке «Художники Кузбасса – XXVII съезду КПСС»
1986

Выставки и другие съёмки

Впервые работы И.Е. Селиванова были показаны в Москве в 1987 году.

В мае 1981 года для съёмок передачи о Селиванове специально в Прокопьевск из Новокузнецка выезжала ПТС (передвижная телевизионная станция). По понятным причинам автобус ПТС не смог проехать к дому художника на улицу Урицкого, поэтому запись проходила в художественной школе. Редактором была, кажется, Зоя Естамонова. Саму передачу я не видел, и она вряд ли сохранилась.

Извечный вопрос - почему не храним осколки нашей истории?

С редактором Зоей Естамоновой я снимал сюжет о Селиванове на открытии выставки «Художники Кузбасса XXVII съезду партии».

В Кузбассе Иван Селиванов открылся широкому зрителю лишь в 1986 году. Тогда, после статьи Владимира Долматова в газете «Советская Россия» «Синий кот на белом снегу», имя Ивана Егоровича оказалось на слуху чуть ли не по всей стране. В том же году в Кемерове и Новокузнецке одна за другой прошли две персональные выставки художника.

Открытие одной из них я снимал в Кемерове в музее изобразительных искусств, куда приехали многие известные в художественном мире люди, в том числе кинорежиссёр документального кино Михаил Сергеевич Литвяков.

Сам Иван Егорович Селиванов, маленький и неказистый, в новых кирзовых сапогах, в непривычном пиджаке и фуражке, бродил по выставочному залу, ничего не объясняя. Смотрел на картины, словно не был причастен к тому шуму, который разгорелся вокруг него. И только, когда по просьбе фотографов вставал рядом со своими автопортретами, становилось ясно – это всё его.

На открытие выставки в Новокузнецке. Фото А. Трофимова

Кто открыл Америку?

Так кто же открыл Америку, в смысле И.Е. Селиванова, как художника?

Одни говорят и пишут Мэри Моисеевна Кушникова. У неё много публикаций в газетах и журналах, несколько книг о Селиванове, в том числе «Остались в памяти народной» и сборник «Иван Селиванов, живописец...»

Другие пишут, что Селиванова «открыла» Москва, точнее - Московский заочный народный университет искусств имени Н.К. Крупской (ЗНУИ). Фильмы о нём, выставки – всё задумывалось и организовывалось здесь. Местные же власти и представители «творческой интеллигенции», «профессионалы» художника не признавали.

Третьи называют журналистку из газеты «Комсомолец Кузбасса» Людмилу Алексееву. Правда, она много сделала, чтобы состоялись выставки в Кемерово и Новокузнецке.

Четвёртые отмечают Владимира Долматова. Напомню, что после публикации его статьи в газете «Советская Россия» имя Ивана Егоровича оказалось на слуху чуть ли не по всей стране.

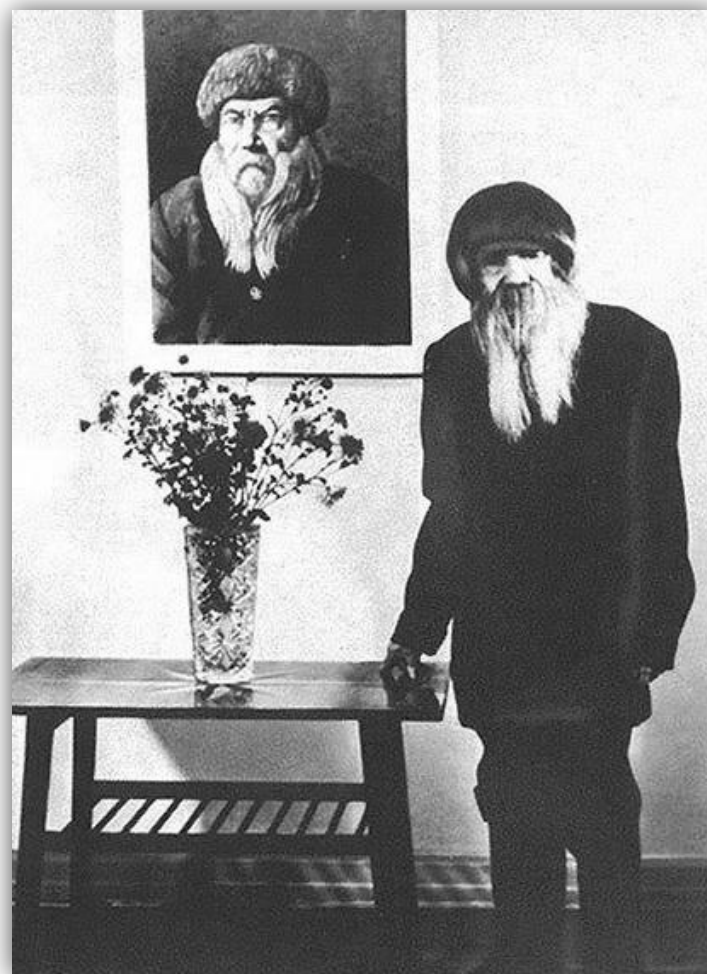
Кто-то упоминает друга Селиванова Леонида Голованова.

Не исключая значения в судьбе Селиванова многих равнодушных людей, всё же, на мой взгляд, открыл художника режиссёр документального кино Михаил Литвяков, который в 1968 году снимал в Прокопьевске эпизод к фильму «Люди земли Кузнецкой».

Когда в октябре 1986 года в Кемерово в областном музее изобразительных искусств состоялось открытие персональной выставки работ И.Е. Селиванова, я первым делом снял на фото несколько фотографии с кинорежиссёром, лауреатом Государственных премий СССР и РСФСР Михаилом Литвяковым и Иваном Егоровичем.

Слева режиссёр М.С. Литвяков

Октябрь 1986

Персональная выставка И.Е. Селиванова в Кемерово

Из воспоминаний кинорежиссёра Михаила Сергеевича Литвякова Фрагменты из сборника «Иван Селиванов, живописец...»

Мы с Иваном Егоровичем ходили по выставке, смотрели его картины, разговаривали, и вдруг он обернулся ко мне и спросил:

- А ты кто будешь? Как тебя зовут?

Я понял, что он меня не узнал. И не мудрено. Мы не виделись восемнадцать лет. Между августом 1968 года и октябрем 1986 пролегла целая жизнь...

Годы изменили нас внешне. Меня - больше, чем его. Ушла молодость, наступила зрелость. Я успел обзавестись бородой, поседеть. У него все те же густые, стриженные в кружок волосы. Глаза пронзительны, как прежде. Знакомая борода. Не борода - бородища! Одет в полувоенный китель, кирзовые сапоги, к карману были пристегнуты булавкой ключи. Вот только ростом уменьшился, как будто врос в землю. На меня, отнюдь не высокого, смотрит снизу... Это неожиданно, противоречит воспоминаниям и вызывает сумятицу чувств...

Я представлял его другим: больше, крупнее. Все эти годы у меня на полке среди книг стояла фотография Селиванова. На ней всё кажется крупным: лицо, фигура, рука, держащая кисть... Может, это ощущение возникает потому, что фотопортрет на редкость удался: он передаёт внутреннюю значительность художника.

За прошедшие восемнадцать лет не раз бывало так, что Иван Егорович обращался ко мне с просьбой прислать ему краски, кисти, холст.

Однажды к жене, схватившей грипп, пришла женщина - участковый врач. Профессия научила её распознавать человеческие лица. Фотографию Селиванова она заметила сразу. Попросила взглянуть поближе:

- Какой прекрасный старик! И после моих пояснений:

- Подарите мне этот портрет!

Я растерялся. Схватил с полки первую попавшуюся книгу и протянул ей:

- Хотите «Момент истины» Богомолова? Всё, что угодно, только не фотографию...

Расстаться с фотографией Ивана Егоровича я не мог хотя бы потому, что с неё началось моё знакомство с Селивановым...

В 1968 году мне исполнилось 30 лет. Позади были: армия, работа в геологической экспедиции, Всесоюзный государственный институт кинематографии. После дебюта на Ленинградской студии документальных фильмов мне предложили снять картину о Кузбассе - первую в моей жизни полнометражную кинокартину. Вместе со сценаристом фильма В.А. Алексеевым мы приехали в Кемеровскую область собирать материал. Ещё перед поездкой твердо решили: обзорной картины делать не будем. Нас интересовали люди - не только всем известные герои Кузбасса. Мы искали необычные, неординарные человеческие судьбы, И, конечно, находили: в горном посёлке Темир-тау - «бог погоды» А.В. Дьяков, и горнячком посёлке Мундыбаш - учитель Н.А. Капишников... Чем-чем, а талантливыми людьми Россия была богата во все времена.

В Прокопьевске зашли в редакцию городской газеты. Там-то на столе у редактора я случайно увидел фотографию Селиванова... Стал расспрашивать о нём. И узнал: Иван Егорович - художник-самоучка, в прошлом - печник, работает сторожем на Прокопьевском рынке. Рисовать начал в сорок лет. Поступил в Заочный народный университет искусств. Прилежно учится уже несколько лет. Рисунки у него наивные, но что-то в них есть...

Всё это звучало скорее курьёзно... Но лицо на фотографии! Но глаза! Они обещали встречу с человеком самобытным, недюжинным...

Итак, решено: Иван Егорович Селиванов - один из героев фильма «Люди земли Кузнецкой». Фотографию я выпросил у журналистов и с тех пор хранил...

Запомнился первый приход к Ивану Егоровичу. Август 1968 года. Мы с оператором Юрием Николаевым долго плутали по посёлку Верхняя Голубевка. Посёлок возник на окраине Прокопьевска на выработках угольных шахт, видимо, застраивался в годы войны стихийно, и отыскать нужную улицу было нелегко. Наконец мы у цели. Стучим. Шаги... Калитка открывается, Иван Егорович смотрит сурово, пускать во двор не торопится.

- Кто такие? Кто звал? Откуда?

Объясняю. Говорю про будущий фильм. Чувствую - хозяин не верит. Не знаю, как бы всё повернулось, если бы не его жена Варвара Илларионовна. Она возникла за спиной мужа, всё поняла и тут же распорядилась:

- К тебе люди пришли, а ты их не пускаешь. Стоишь пень пнём.

Вошли во двор. Огляделись. Под ногами сновали куры. На солнцепёке грелась кошка.

Огород похож на лоскутное одеяло: грядки с луком, помидоры, ровные грядки картошки. Всё по-крестьянски ухожено. В доме просто. Мебель самая необходимая, стол и табуретки, как видно, срублены самим Иваном Егорычем... Варвара Илларионовна мигом собрала на стол; варёная картошка дымится, огурцы и помидоры вымыты, лежат на тарелке, чёрный хлеб нарезан ломтями... Мы не заставили упрашивать себя - знали по опыту: хлеб-соль - первый шаг к сближению. И точно, за столом Иван Егорович обмяк, потеплел, и началась у нас долгая беседа. Художник жаловался, что ему «позировщиков» не хватает. Никто в посёлке Верхняя Голубевка не хочет ему позировать. Всякий считает его страсть к рисованию блажью, причудой, куда как менее важной, чем повседневные житейские заботы, которых так много у человека, живущего на земле.

Вот и приходится ему отрывать от бесконечных домашних дел Варвару Илларионовну, усаживать её позировать. А ей не сидится: она бойкая, да и дела копятя, как тут утерпеть? Он рисует, а она сердится, ворчит. Потому и называется портрет «Варя злая». А есть ещё «Варя добрая», «Варя стирает» и другие.

И вообще, раз так трудно с живыми «позировщиками», решил он рисовать киногероев.

Мы договорились с Иваном Егоровичем о съёмках. Следующую ночь он дежурил на рынке. Подъехали к нему на рассвете. Утро выдалось туманное, зябкое. В плаще и сапогах, с винтовкой за плечами он ходил мимо пустых прилавков, сидел на ступеньках запертого магазина. Одинокая фигура старика-сторожа... что-то во всём этом было такое, что трудно выразить словами. Мы снимали много, не жалея плёнки.

У Селиванова обнаружилось редкое свойство: перед камерой он оставался самим собою.

А потом мы снимали Ивана Егоровича дома, когда он занимался обычными делами: носил воду, рубил дрова, кормил кур.

И вот наконец наступил день, когда он пустил нас в свою «мастерскую». В дальнем углу огорода на четырёх врытых в землю столбах сколочен деревянный навес. Что-то вроде небольшой будочки с одной стенкой - забором. Навес - от дождя, солнца и ветра. И от чужих любопытных глаз... Селиванов уже тогда не любил рисовать в присутствии посторонних. Окрестную детвору безжалостно разгонял. Но в тот день мы заступились за ребят. Мальчишки и девчонки, привлечённые съёмкой, торчали на заборе, заглядывали в щели между досками... Был у нас свой умысел. Рождение картины – таинство, но когда художник рисует на съёмке, какое уж тут таинство? Камера его разрушает.

Всё станет на свои места, если зрители увидят Селиванова глазами кого-то из ребят. Нужно только точно выбрать лицо. Дождаться и выбрать...

Мы дождались. Пришла и застенчиво глянула из-за забора девочка-подросток. И у неё было такое лицо, словно сама юность, сама красота смотрела на художника...

Иван Егорович закрепил холст на самодельном этюднике... Кисточку сжал губами, освободил руки и стал смешивать краски. Потом взял кисточку грубыми от работы пальцами. На холст легли первые мазки... Он рисовал то, что видел: свой дом, огород, двор...

Запомнилась ещё одна съёмка - в ресторане «Славянский базар». Для Прокопьевска он был новинкой. Народ валом туда валил. Привлекал в русском стиле: массивные деревянные столы, лавки, хомуты на стене, глиняные горшки. Кормили прекрасно. Можно было заказать медовуху, тройную уху и фирменное блюдо - жареные свиные уши на шампурах с солеными помидорами. Нам хотелось доставить удовольствие Ивану Егоровичу, а особенно Варваре Илларионовне. Держались они с достоинством, ничему не удивлялись. Хотя я думаю, в ресторанах раньше никогда не бывали. Они так органично вписались в интерьер, что посетители принимали их за часть антуража. Или за актёров...

Мы подружились. Иван Егорович показывал свои рисунки. Дома у него оставалось лишь то, что он сам забраковал - стыдился отправить в Заочный народный университет своим педагогам Лузан и Аксенову, или то, что получал назад с пометками учителей. Относился Селиванов к этим, не вполне, как он считал, удавшимся работам бесхитростно, не числил за ними никаких достоинств. Потому и хранил, где попало. Часть рисунков я нашёл в курятнике. А рисовал он на обратной стороне подобранных на рынке афиш, на случайных листках бумаги, кое-как скреплённых между собою, прошитых то белыми, то чёрными нитками.

Некоторые носили явный отпечаток ученичества. Где-нибудь сбоку рисунка ещё и надпись вилась, часто довольно пространная: Иван Егорович разъяснял, что и как он хотел изобразить...

Но попадались работы прекрасные: интерьер избы, мужские портреты, портреты Варвары Илларионовны... Особенно хороши были на рисунках животные: куры, овцы с человеческими глазами и волчьим оскалом... Рисовал он подчас и зверей. Экзотических. Сначала я про себя удивлялся: где он мог их видеть? Потом догадался - ну, конечно, на рынке в передвижном зверинце.

Животных Иван Егорович любил всегда. Не представлял себе жизни без них. В одном из своих писем, много лет спустя, он писал, рассказывая о встрече с Юрием Ростом.

Уезжая из Прокопьевска, я был уверен, что через год, самое большое через два, возвращусь, чтобы сделать фильм о Селиванове. Ведь эпизод полнометражной картины не мог вместить всего, что мне хотелось сказать о художнике. Но судьба распорядилась иначе.

Фильм «Люди земли Кузнецкой» был завершён осенью 1968 года и вскоре вышел на экраны. Его хорошо встретили зрители. Он получил первый приз на зональном смотре в Ленинграде, затем приз ВЦСПС на Всесоюзном кинофестивале в Минске.

Отрывки из фильма «Люди земли Кузнецкой» мне приходилось демонстрировать на творческих встречах в самых различных аудиториях. Сначала все «человеческие эпизоды»: и о «боге погоды» Дьякове, и об учителе Капишникове, и об инженере Вдовине казались мне равно интересными. Но шли годы. И как-то само собой получилось, что я стал брать на встречи только ту часть, где рассказывалось об Иване Егоровиче Селиванове. словно само время просеяло и отделило этот ролик плёнки.

Летом 1969 года я начал снимать фильм о Российской Федерации для «Экспо-70» в Японии. Свой маршрут по Сибири спланировали таким образом, чтобы заехать в Прокопьевск. Хотелось показать «Людей земли Кузнецкой» Ивану Егоровичу, а главное, снять его синхронно, чего в первый раз делать не стали.

Мне хотелось, чтобы художник рассказал в кадре о себе, о своей жизни. Но в Тюмени я свалился с воспалением лёгких. С самолета меня отправили в больницу. Потом вышел из строя на несколько месяцев из-за инфаркта.

Съёмочная группа всё же заехала в Прокопьевск. Но ребята растерялись: и фильма не показали, и снимать не снимали толком. Сохранились от той поездки только фотографии. Недавно оператор Юрий Николаев отыскал их в своем архиве. Это, что называется, «рабочие моменты»: посреди селивановского огорода с кинокамерой «Конвас» кинооператор Юра, Иван Егорович и Варвара Илларионовна.

На экране себя Иван Егорович так и не увидел. Поэтому, собираясь на выставку в Кемерово, мы захватили с собой отрывок из фильма «Люди земли Кузнецкой».

Показывали его в Инском в доме для престарелых.

Светился экран... Звучала знакомая мелодия, я слышал знакомые слова: «Рисую я и работаю для увлечения и утешения своей души...»

В который раз задавал себе вопрос: почему за восемнадцать лет я так и не приехал к Ивану Егоровичу, почему не сделал фильма о нём? Да, жизнь неслась со скоростью поезда: некогда оглянуться, остановиться, вернуться назад. Да, мои попытки «пробить» тему художника в план студии не удались. В те годы приветствовалось создание картин о передовиках производства, Героях Социалистического Труда. Если о художниках, то непременно «заслуженных» и «народных». Мой любимый, истинно народный Селиванов «лежал не на генеральной линии»...

В дневниках Селиванова мне всё интересно. Думаю, что когда-нибудь они будут опубликованы. Жаль, что в них почти нет записей о его занятиях живописью, о том, что и как он рисовал.

И всё же есть в письмах и дневниках Селиванова строки, хотя бы отчасти проливающие свет на приёмы его работы. Работать Ивану Егоровичу все эти годы было трудно: негде достать кисти, краски, полотно. Я тоже не всегда мог выполнить его просьбы.

Что делать? Как помочь Ивану Егоровичу? Я думал и не мог придумать. Рассказал о старике-художнике Юрию Росту, с которым незадолго до этого познакомился и подружился. Рост собирался в командировку в Сибирь, и мы договорились, что он заедет в Прокопьевск к Селиванову. Я надеялся, что «Литературная газета» опубликует его материал, и это привлечёт внимание общественности к бедственному положению художника.

Написал Ивану Егоровичу о Росте. Однако его командировка все откладывалась. Только в феврале 1982 года он приехал в Прокопьевск. Об этой встрече Иван Егорович записал в своем дневнике.

Рост привёз из Прокопьевска несколько прекрасных фотографий. На одной из них Иван Егорович в картузе с петухом под мышкой в избе на фоне печи. В объектив смотрит хмуро, и вся тональность фотографии мрачноватая. До сих пор не могу понять, почему Рост так и не написал статьи о художнике. Между тем, приезд его и планы, которые я строил в письмах, пробудили у Ивана Егоровича надежды, не слишком, впрочем, радужные:

«Из твоего письма я понял так: у вас был разговор о ремонте моей избы с Юрием Михайловичем Ростом. Вы подходили к мнению, чтобы через наш Прокопьевский горисполком выделить средства для ремонта моей избы... Этого изделать нельзя нашим городским властям... О частных лицах совсем не беспокоятся и не беспокоились в прошлом. Смех. Такой вопрос немислимо осуществить без особых заслуг в частности, Чтобы старому беспомощному художнику соорудили благоприятную со всеми удобствами».

Может быть, это были одни из самых трудных дней в жизни Селиванова.

Странное дело: спроси любого из нас, как бы он поступил, если бы судьба свела его с бедствующим Ван Гогом или голодающим Модильяни, каждый, вероятно, скажет что помог бы художнику. И вот жизнь свела меня с Иваном Егоровичем Селивановым, и я не сумел ему помочь так, как хотел бы...

После выставки в Манеже Селивановым заинтересовались журналисты, искусствоведы.

Два коротеньких письма я получил из Прокопьевска в феврале 1984 года. Картины Селиванова к тому времени уже не раз выставлялись за рубежом - в Париже, Лондоне и Монреале, вошли в каталоги наивного искусства народов мира, а художник по-прежнему нуждался в материалах для работы:

«Вашу посылку получил, за что очень благодарен Вам. Много дум и помыслов скопилось в моей старой голове о людях, которые проявляют хоть мизерную заботу обо мне. Маленькая забота и труд человека дарят в жизни людей чудеса, любовь и радость взаимодействия человека с человеком...»

Потом наша переписка прервалась. О том, что Иван Егорович попал в дом престарелых, я узнал из газет. Сразу написал ему и вскоре получил ответ: знакомый крупный почерк на казённом листе не разлинованной бумаги. Он ни на что не жаловался, ничего не просил. И всё же горьким сиротством веяло от письма. Что такое дом престарелых, пусть даже самый лучший я хорошо знал - снимал стариков для фильма «Люди земли Кузнецкой».

Летом 1986 года у меня завязалась переписка с Юрием Григорьевичем Аксёновым, он сообщил о персональной выставке Селиванова, готовящейся в Кемерове. Я договорился на нашей студии с редакцией киножурнала «Советская Россия» о сюжете, и мы вместе с оператором Юрием Павловичем Николаевым вылетели в Новосибирск. В самолёте вспоминали 1968 год и первую встречу с Иваном Егоровичем.

Поезд Новосибирск-Кемерово опоздал на восемь часов. Измученные ожиданием на вокзале и бессонной ночью, мы едва успели к открытию выставки. Я привёз с собой пятнадцать рисунков, из тех, что мы взяли в 1968 году у Ивана Егоровича и увезли на студию, чтобы снять на мультстанке.

До открытия выставки оставались считанные минуты... В зале ещё пусто - только Иван Егорович и какая-то съёмочная группа. При встрече мы обнялись, и я был уверен, что он меня узнал... Художник ходит от картины к картине, подолгу стоит, смотрит... Вдруг он оборачивается ко мне и спрашивает:

- Ты кто, мил человек? Как тебя зовут?

- Вот те на, Иван Егорович. Неужели не признал? Я – Литвяков.

- Литвяков!?! А я тебя не узнал. Ты что-то очень вырос...

Да нет, - хотелось мне крикнуть. Это Вы выросли, дорогой Иван Егорович! Вы одолели судьбу и стали замечательным художником! Я никак не ожидал, что Вы такой сильный, такой зрелый мастер. Я горжусь дружбой с Вами...»

Утром мы поехали в посёлок Инской, где находится дом престарелых. Показывали отрывок из фильма «Люди земли Кузнецкой». Снимали Ивана Егоровича на улице, в комнате, где он жил и работал, в новом доме — с петухом и котёнком.

Рисовать в нашем присутствии он не стал. Даже и не отказывался, а просто взял кисть в руки и, не дотягиваясь до полотна, сделал несколько «мазков» в воздухе. Не знаю, почему этот кадр кажется мне лучшим из всего, что мы в тот день сняли.

На мольберте перед художником стояла неоконченная картина.

О фильме «Иван Селиванов» 1990

Михаилу Литвякову всё-таки удалось снять фильм о Селиванове. Он вышел на экраны в 1990 году. Только на какие? Я долго искал этот фильм в Интернете, так и не нашёл. Есть только выходные данные и аннотация:

Студия [ЛСДФ](#)

Режиссер: И. Калинина, М. Литвяков

Авторы сценария: И.Калинина, М.Литвяков

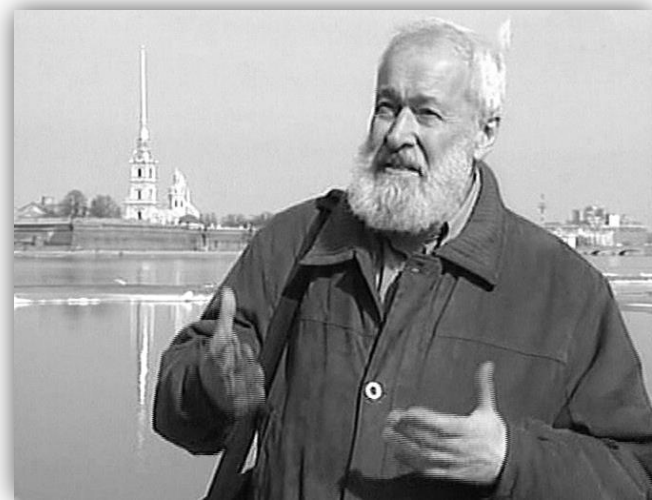
Операторы: В. Гребенюк

Звукооператор: М.Подтакуй

Другие авторы: Сценарий - И. Калинина, М. Литвяков

Аннотация:

Об Иване Селиванове – художнике, представителе «наивного искусства» из Кузбасса. Режиссёр Михаил Литвяков познакомился с Иваном Селивановым еще в 1968 году. С тех пор до самой смерти художника в 1988 году продолжалась их переписка. В фильме использованы письма, дневники, картины художника, съёмки разных лет. В фильме сняты похороны И.Е. Селиванова. М. Литвяков (за кадром) рассказывает о художнике И. Е. Селиванове, своей дружбе с ним, которая длилась 20 лет. Ранние рисунки И.Е. Селиванова. Фотографии. Съёмочная группа на усадьбе у И.Е. Селиванова в посёлке Инском. Открытие выставки художника в г. Кемерово. И.Е. Селиванов подписывает автографы. Встреча Литвякова и Селиванова через 18 лет (синхронно). Актёр читает (за кадром) отрывки из дневников художника. Картины художника И.Е. Селиванова. Селиванов рисует; идет по двору интерната для престарелых; осматривает дом, построенный специально для него. Художник стоит около живописного автопортрета.

Кинорежиссёр М.С. Литвяков

О бедном операторе замолвите слово

Я уже писал, что на встречу с Селивановым приехал и Михаил Сергеевич Литвяков. К тому времени он был известным во всём мире кинорежиссёром, лауреатом многих международных премий и т.д., и т.д. Он приехал специально на встречу вместе с оператором, которого звали Юра Николаев.

Отмечу отношение режиссёра к оператору. Приехали они на выставку, им надо было снять только один кадр, как потом оказалось, картину «Моя Родина, мой дом».

Так уж случилось, что и наша съёмочная группа и Литвяков с оператором подъехали к музею почти одновременно. Мы чуть раньше. У нас с заднего сидения выходит из машины оператор – это я, нагруженный как новогодняя ёлка. На одном плече камера висит, на другом – аккумулятор, в руках штатив. Раньше на шее ещё висел магнитофон. С первого сиденья выходит редактор с блокнотиком и карандашом в руках, важно проходит мимо оператора. Иногда режиссёр помогает поднести свет.

Вот подъехала машина Литвякова. На переднем сидении оператор с камерой. С заднего сиденья выскакивает бородатый Литвяков и, обращаясь к оператору, говорит: - «Юрочка, Юрочка, дай мне штатив, давай аккумулятор». Юра взял только камеру «Конвас». Литвяков нагрузился штативом, светом. У них всё наоборот. Почему?

Второй момент. В музее изобразительного искусства оператор поставил штатив, камеру. Ему надо было снять только одну картину. Литвяков кружится вокруг него: «Юра, Юрочка, может тебе мороженко купить?»

Такого я у нас вообще никогда не видел. Режиссёр, который знает цену кадра, поступает именно так. Ну, ладно. На этой фотографии слева: Литвяков, Светлаков, Селиванов.

Как созвучно получается.

«Семья петуха». 1984

Из тетрадей И.Е. Селиванова

Про петуха

Надо скумекать, приготовить заранее до рассвета что-то поись-поклевать петуху. Ведь он же мой воспитанник. Здесь он в этой стайке родился около десять лет назад. Вывела его мать-кура, матери его уже давно нет, так же и нет его сестер кур. Извелось его всё родство, он живёт в стайке один, котора на воле около стены избушки. Температура в стайке такая же, как на воле. Только одно отличие, не веет ветер в стайке, если бы веел ветер – свистал, то мой петух давно-бы замёрз. Сей год ещё, в этом году 1981-82 году зима была по сравнению прошлых зим сносна, не так холодна, но как-бы дело не было, зима есть зима. Терпеливый Петя, дай господь ему здоровья. Пусть живёт, пусть переносит любые морозы, если будут... Ничего поделатъ нельзя, выше того что нас есть, мы люди, не можем изменить температуры, так-как хотелось бы нам. Стал приниматься и за приготовление пищи петуху. Нарезал-покрошил на мелко отбросны картошки, перемешал с сухарями мочёными, всё это делал на доске, которая была положена на кухонный стол. Оглядел кругом кухню, во что же смахнуть пищу петуха. На глаза не попадает ничего.

Взял тарелку с кормом для петуха. Несу, думаю. Мечтаю... Живой ли Петя у меня? Он нужен мне для повторенья. Срисуя я его такого. Пусть позавидует любой национал земли российской. Мечты дурацкие приходят. Карапкаясь на высокие горы - пусть будет мир.

Что ты ходишь, что ты бродишь, что ты ищешь мой дружок? Мир велик разнообразен. Всяк по своему живёт. Кто паникует, кто играет, а кто заунывную песенку поёт. Кто плачет горькими слезами. А кто приюта не найдёт. Таких не мало в мире нашем, как приблудные живут.

«Петух»

Мир большой, разнообразный, всяк по-своему живёт. Кто торгует и смеётся, барыши в карман кладёт. Порою сердце у меня сжимается. На мир я пошлый смотреть не могу! Искал я правды в широком мире. Правды нигде найти не могу. Хочу труд мой видеть в этом петушке-петухе. Дурацкие мысли нельзя запереть под замок. Пусть говорят промежду себя, что хотят...

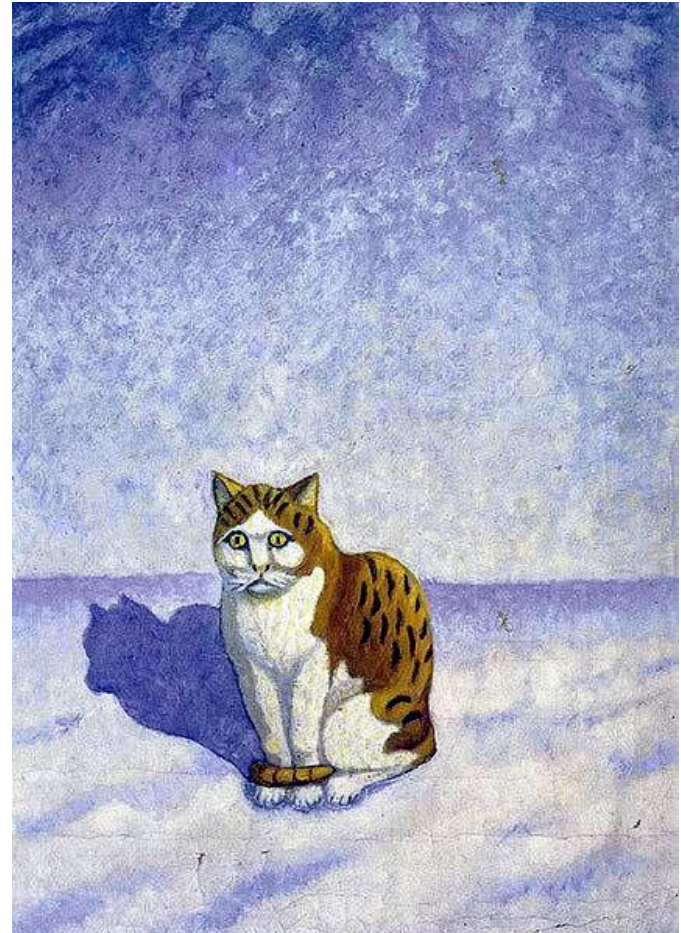
Отпер замок у стайки, где мой воспитанник красавец Петя. Открыл я дверцы стайки, смотрю: мой Петя дожидает меня и пищи. И как бы хочет про что-то сказать, взором-глазами смотря на меня. Чувство сердечности имеет домашняя одинока птица ко мне. У меня язык свой, у него другой. Сговориться не сможем, так устроено не нами. Дальше что?

Открываю я замок, открываю дверцы. Здравствуй Петя, я к тебе. Принёс гостинца я тебе. Смотрю: давно я на тебя, живёшь ты в одиночестве. Стал ты стар, красу свою младую потерял. Друзей твоих поворовали. Добры люди-воры с самой весны, в тёплы дни майски утащили. Пока живи - не умирай - сам собою красавец мой, тебя храню как себя, как особую реликвию, красоты своей. Твоя красота на полотне снята мной, уже давно известна людям. Не погасла слава о тебе. Ты будешь жить на полотне, пока полотно не развалится и краски не померкнут. Ещё я раз держу в задумке, твою фигуру срисовать. Задумано давно, времени на это нету. Дел много важных по хозяйству. Болел я летом. Еле ноги волочил: думал и мечтал; Зачем живу, зачем влачусь...

Вышел я из петуховой стайки. Мороз поджимает, корчит старое тело, как перживём: петух и я зимние морозы?

И.Е. Селиванов с кошкой

«Белый кот на синем снегу»

Из тетрадей И.Е. Селиванова

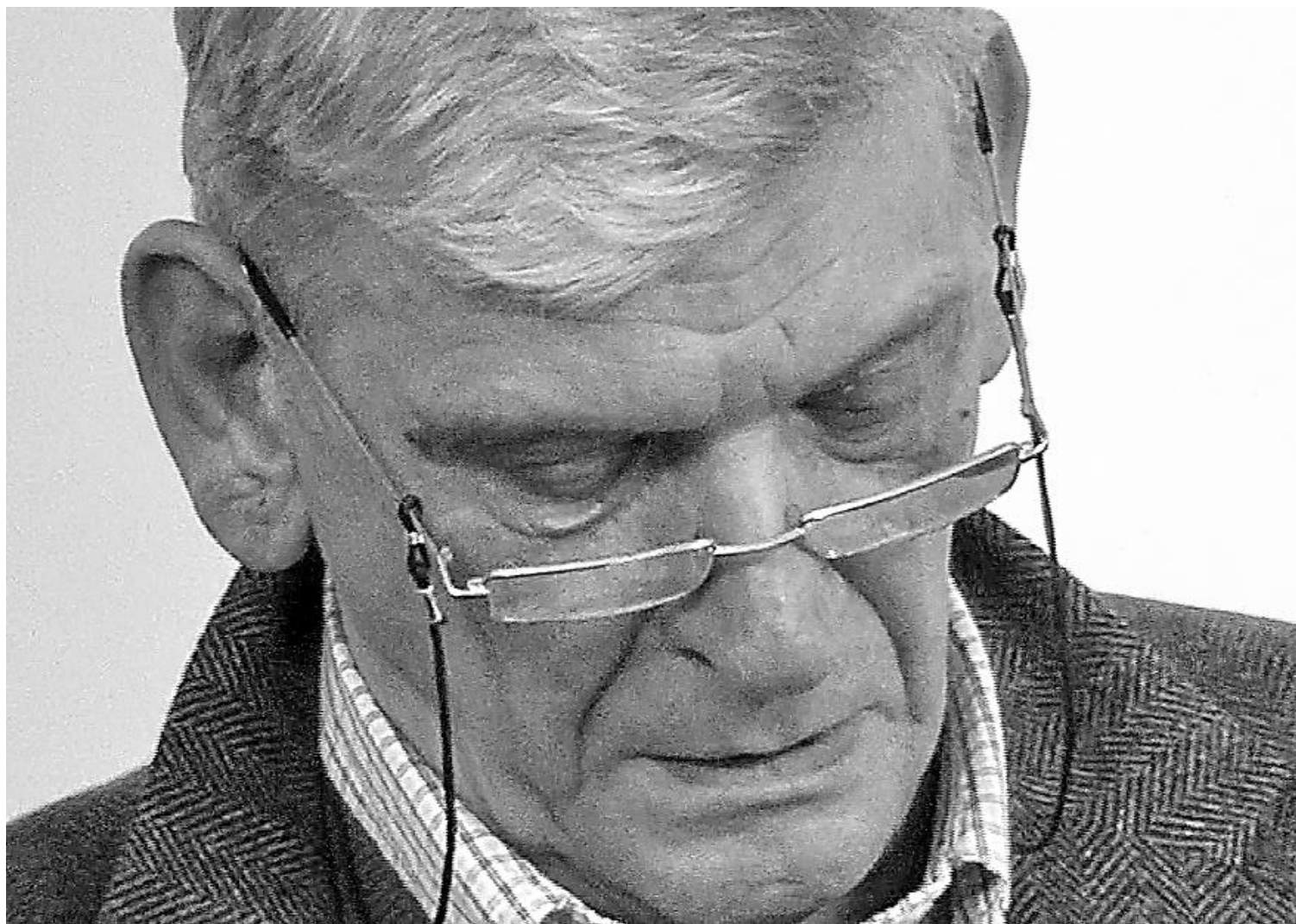
Про кота и кошку

Ходил по крупному селению со своим котиком Васей на руках, которого мне дала Аннушка Павликова. Разговор об этом деле у меня зашёл с ней, так... Она пришла ко мне зачем-то... Я спрашиваю у её, ты мне дай кошку или кота, у меня мыши пешком ходят, нет спасенья, всё на Свете поедают. Она мне сказала, дам ненадолго. Это дело было в начале июля 1980 г. Сейчас он у меня большой умный, интересный, по масти рыжий. Воспитанник мой.

Я часто сижу и думаю, куда мне деть эту животинку, в какую школу отдать, чтобы из маленького плута человека сделали, действительно образованного человека — кота Васю?! Перебрал в нашем районе все учебные заведения, мой котик Вася не подходит ни в одно, а сам я в педагоги для него не гожусь. У меня на это нет никакого образования, чтобы человека-котика Васю довести до степени полного осознания, как положено.

Мы - я и ты - живем в одних условиях, изба у нас одна, только названия разные, твоя половина называется стайкой, а моя кухней, но температура тепла почти одинакова, что у меня на кухне, то у тебя в стайке. Может, у тебя похолоднее, но зато посытнее. Ты, Алексеевна, там нет-нет, да полакомишься, то есть поймашь мышь, а я что... У меня нет такой ловкости, как у тебя. Ты намного моложе меня, а я что - всю жизнь прожил, а... купить такой говядины не могу.

Я очень люблю животных. Кого хочешь, по памяти, могу нарисовать. Природа дарит нам настроение, ощущение красоты. Без этого никакого художника быть не может.

Владимир Сушацкий

Из воспоминаний Владимира Сухацкого

- Юрий Яковлевич, большое спасибо за прекрасную лекцию, за хорошее название к ней «Житель Марса Иван Егорович Селиванов» и прическазку «Знай, наших!»

- Какая лекция? Это просто воспоминания о том, что я видел.

- Я называю лекцией всё то, что умное.

- Я не согласен. Это, скорее всего, была беседа. Лекции бывают по сопромату, по высшей математике, а тут беседа «Сократа».

- Ну, ладно, не буду спорить. Я немножко расскажу, как я познакомился с Селивановым. Селиванов это тот человек, который, на мой взгляд, является гордостью нашего Кузбасса. Это удивительнейший человек вселенского масштаба. Я готов доказать. Если человек признаётся в одном городе, то мы называем его местным художником. Если в стране, то всенародным. А если всей планетой признаётся, то вселенским. Назовите мне фамилию хоть одного художника, из местных, который бы вошёл в современную Энциклопедию примитивистов, которая издана во всех странах. Он выставлялся в Париже, Лондоне, Сиднее, Милане... Где ещё?

- Его часто сравнивали искусствоведы с Нико Пиросмани, Ван Гогом.

- Сибирский Пиросмани.

- Это редчайший примитивист, стоящий в одном ряду с основоположниками примитивизма. Мы видели с вами здесь на экране много его работ, а вы не думали, где все эти работы? У нас в Кемерово его только одна работа в музее ИЗО. Руководство области заставило, просто заставило работу взять на хранение – подарок от Селиванова.

Если бы в своё время спохватились и пренебрежительно не относились к художнику у нас бы была самая богатая коллекция в мире в плане примитивизма.

- Селиванов все свои работы посылал в Москву, в ЗНУИ. Значит, они хранятся там.

- Там профессора, искусствоведы, мэтры сразу расчухали, что это талантище. Они стали его опекать. Все работы, которые он посылал, оставались у них, в запасниках этого ЗНУИ. Потом наступил конец восьмидесятых годов, конец девяностых годов, Селиванов уже стал всемирно известным художником.

На уровне моих предположений, моих исследований, если всемирно известный - это означает – денежки. Я не могу утверждать, но мне более-менее известно, что многие работы ушли на запад и ушли за большие деньги. Посмотрите в интернете зарубежные сайты. Работы Селиванова в настоящее время на западе стоят порядка 30-40 тысяч за одну картину. Наши художники за всю жизнь столько не заработают. Порядка около 300 работ где-то находятся.

- То ли в заочном институте искусств, то ли где-то на Западе, то ли ещё где-нибудь, например в личной коллекции некой ММ.

- В Кемерово живёт она старушка, ей недавно исполнилось 94 года. Мэри Моисеевна Кушникова, искусствовед, многие знают...

- У неё были хорошие книжки про Селиванова «Остались в памяти народной» и Сборник «Иван Селиванов, художник».

- В 1981 году я был начинающий журналист. Во время одних бесед – интервью с ней, она назвала фамилию Селиванова. Меня это очень заинтересовало, взял адрес и поехал в Прокопьевск. Как ты рассказывал, всё точно так и было. Та же сковорода, те же рисунки на стенах.

- Давай поподробнее.

- У него руки были морщинистые - там въевшаяся грязь. Она не смывалась, её невозможно было смыть. Мне было очень трудно находиться в его домике, ведь потолок маленький, а он же мужичок с ноготок.

Ну, вот я приехал, мне Кушникова говорит, «тяжелое, бедственное положение, если ты возьмёшь какие-нибудь продукты, он будет тебе благодарен. А ещё лучше, возьми альбом для рисования, карандаши, краски, ну, что не жалко». Тогда всё это копейки какие-то стоило. Сходил в канцтовары, купил. Купил супы в пакетиках, в советское время такие были с вермишелью. Крупы какой-то. Приехал. Точно так же. Никто меня не встречает, не открыл так. Вхожу - сидит старичок, недоверчивый. Рекомендация была из Кемерова от Кушниковой. Встретил. Так и познакомились. Потом я бывал у него несколько раз. У нас завязалась переписка. Если хотите, ради любопытства я покажу оригинал письма, которое он мне написал. Я только одно взял. Это за 8 августа 1981 года, можете почитать, подержать в руках, обратить внимание на такие замечательные строки:

«Я нахожусь и живу на конце своей жизни. И сегодня-завтра умру. Всё нарождается, умирает, так работает природа». Это письмо.

- У меня несколько таких писем. У него ещё были дневники. На мой взгляд, Иван Егорович Селиванов философ большого масштаба у нас на Руси.

Можете посмотреть, только верните. Кому интересно посмотреть его почерк, подержать в руках подлинник.

Я, может быть, не очень разбираюсь в живописном искусстве, меня больше интересовало его литературное творчество. Когда я стал читать его дневники, какие-то притчи, зарисовки, я был поражён и удивлён. Неизвестно - он более великий художник, или более великий философ - писатель.

Он писал дневники на различных тетрадках, но в том числе и в рисовальных альбомах. Были такие дешёвые детские альбомы.

Тогда же не было ксероксов. Я попросил фотографа Витю Грызыхина переснять несколько тетрадей.

1) Здравствуйте Владимир Сухац-
кий. Любопытнейшим образо-
м начинающим писателем. Я
ваше письмо получил 7-ав-
густа 1982 г. Проработал и
понял многие пользы из
него. Книга мира миссе-
ны. Я убежден, выигрывает. Выяв-
ленные или республиканские
печатные слово считается
узко масштабных, не имеющие
го особого политического зна-
чения, как например: описание
каких-то героев-писателей или
других значительных людей...
Мне эти книги не видны и
не читать, я нахожусь и живу.
На конце своей жизни, не спод-
ня, завтра миру. Все нарождается
и умирает, так работает природа.

Я буду счастлив, если дожи-
ву до выхода этой книги. Да...
Черновики кое-какие выш-
лю после уборочной
Келманн Ван. ~~Сейчас~~
можен раньше, а сейчас
Я подготавливаю к вы-
лу. Главные образы и
заготовлено материалы.
Да... Много работы, работа
не клеится. Состояние здо-
ровья ушло. Жизнь моя не
интересна и отдавать нечего
- охраняют мечты.
досвидание Селиванов
Иван Егорович
8-е августа 1982 г.

Письмо И.Е.Селиванова В. Сухацкому

- Я думал, ты скажешь «попросил переписать».

- Нет, переснять. Он мне переснял, сфотографировал. У меня теперь хранятся несколько таких рулончиков - плёнки с негативами. Я не знаю, есть ли теперь такие технологии, чтобы с них отпечатать текст?

- Давай, я их отсканирую и переведу в цифру?

- Чем больше людей будет знать-читать о Селиванове, и читать его, как он сам говорил «писанину для развития мозговой системы», тем лучше.

- Дом престарелых, куда он попал, это благодаря усилиям общественности, ведь землянка его просто вросла в землю, он под землёй жил. Юрий Яковлевич говорил, какие были возражения по поводу того, когда он хотел снимать фильм о Селиванове. Значит так, пишет Селиванов в восемьдесят первом году: *«сходите с этой писаниной к главному законодателю города Кемерово, возьмите у него разрешение на прочтение их с экрана телевидения. Если законодатель откажет, то будем сидеть у экрана, как пешки, бездействующие люди. Все руководители печати узко масштабны, по важным литературным вопросам к ним обращаться нечего, они не знают закона о выпуске литературы... Думаю, законодатели не разрешат читать эту писанину с экрана. Опасного и вредного здесь ничего нет».*

- Помню, когда мы снимали кино в Инском, Селиванов взял эти тексты, неразрешенные начальниками, и просто прочитал.

- Где-то в середине восьмидесятых годов, я утратил с ним связь. Селиванов стал всероссийской знаменитостью. Я хочу закончить двумя строчками из его дневников. Это мне безумно нравится. Вот такой его афоризм: *«коммунизм - ерунда, если слова расходятся с делом».* От сегодняшней встречи в киноклубе я узнал для себя много нового о Селиванове. Здорово, что это проходит под знаком «Знай наших!»

открытый. С без хитростным вз-
глядом на лице своем. Еще из виду от-
сутствует ^{его} лицо и нос ираделыватся.
Можно бы его нарисовать, но на-
мисти свободу, как позировщика с
красоты. ~~Позировщик~~ мои мысли в то-
ве моей. В прошлом году видел его
по снегу зимой. Одежда на нем бы-
ла черная, туника с воротником
с какими-то ~~какими-то~~... и шапка ушанка
на голове под цвет лица. Пожалею
собачьи, слышу в октябре 21-го
шела вида его в сером косяк
не без галовного убора. Пимо-
ви его уборы остались в памяти
~~но~~, также видены и впечатления
бывали ни всегда у меня. Ду-
мано: ~~душно~~ так же и удру-
жит. Он приезжал ко мне не так
как зря. Посмотреть на меня

на образ мой и седую бороду и на ма-
ленькую фигуру. Он видел интересе
во мне светом мой... как в работе
интересны своей. Кто там увлека-
ется? Кто видит любит бабу дере-
венку, кто любит женскому горю-
скую, а кто девочку малую... Из
составных какого, это пусть не ва-
жно. Любовь и тяготение имеют
у людей, у каждого человека
на земле, на белом свете. ~~Свет~~,
это сила воли, это сила тяготения и
разума человека. Раскучи-
вал только суханко. Кухня из
кофеверта только - оригинал,
буханка с почерком. Прочитай:
оно особенностей существенных
не вижу, в словах его почерк
Он писал и мысли не существу-
ные мысли, можно было так

Из тетрадей И.Е. Селиванова О письме Владимира Сухацкого

Сегодня получил я два письма за вечер. Одно от Сухацкого из Кемерово. Этого мне приходилось видеть два раза в моей избушке. Молодой, высокий, чернобрый и стройный. С бесхитростным взглядом глаз на лице своём. Ещё из виду отпустил его лицо и нос продолговаты. Можно бы его нарисовать по памяти свободно, как позировщика с натуры. Так ходили мои мысли в голове моей. В прошлый год видал его по снегу зимой. Одежда на нём была чёрная, тужурка с воротником с каким... и шапка-ушанка на голове под цвет лисы. Пожалуй собачья, сей год в октябре этого числа видал его в сером костюме без головного уборы. Таковы его уборы остались в памяти моей. Такое видение и впечатление бывает не всегда у меня. Думаю: также и у других.

Он приезжал ко мне не так как зря. Посмотреть на меня, на образ мой и седую бороду и на маленьку фигуру. Он видел интерес во мне совсем иной... Как в работе интересной своей. Кто чем увлекается? Кто любит бабу деревенску, кто любит женщину городскую, а кто девчонку молодую... Из сословия какого, это пусть не важно. Любовь и тяготение имеется у людей, у каждого человека, живущего на Земле, на Белом Свете. Это сила воли, это сила тяготения и разума человека. Раскупоривая письмо Сухацкого, вынимая из конверта письмо-оригинал, бумажку с почерком. Прочитал: особенностей существенных не вижу, в словах его почерка. Он писал и мыслил не существенные мысли.

мысли не шесты. Не терять време
ни на безделье, не портить бумагу
не ходить в магазин за май и не рас
ходовать чернила. Все это надо ку
пить. Значит надо портить деньги
затрачивать труд. Никто за
даром не дастся ни одному человеку,
но как у человека имеется такая
приверженность - любовь, как у вы
сшего к этой делу, то это се
мантика ни кому нежна. Все это
является своеобразием, мимикей
человека, как закон природы,
быть в писателе сущностью не
что и полезного для меня,
Например: сейчас весной в кон
це мая месяце 26-го числа была
такая картина по экрану те
левидения изера «Курбасский
Лирамизм»), это показывали

мой образ - картину с моими рабо
тами последний работы были в раз
личные времена. Он добавляет в
книжке несколько слов, о этой кар
тине. Эта картина пойдет в тво
ю, когда? Когда пойдет, тогда
я вам сообщу. Про это дело, где
он слышал? С кем вел разговор
на эту тему? Не сообщать...
Вспомнил старую историю - могла бы
были такие мысли. Не у меня я
имел такие высокие достояние
ство перед народом своим нашим
Русский, а так же перед великим на
циональностью нашей страны,
Затронуется моя душа и сер
це, ~~такого события~~ я про такое
событие - ~~событие~~, я в кербне си
лу от этого человека сущно
кого. Значит он мне это, мыслью

Есть в писанье Сухацкого кое-что и полезного для меня. Например: сей год весной в конце мая месяца 26-го числа шла картина по экрану телевизора «Кузбасский Пиросмани" это показывали мой образ-фигуру с моими работами последними и с работами последующими-прошлыми. Он добавляет в письме несколько слов об этой картине. Эта картина пойдёт повторно, когда? Когда пойдёт, тогда я вам сообщу. Про это дело, где он слышал? С кем вёл разговор на эту тему? Не сообщено... В мою стару голову-мозгу вошли такие мысли. Неужели я имею такое высокое достоинство перед народом своей нищий русский, а также перед всеми национальностями нашей страны. Затрепещала моя душа и сердце про такое событие я впервые слышу про этого человека Сухацкого. Значит, он мне это письмо писал и прислал не зря. Кто-то, где-то заботится об моей личности и труде. Самую главную роль для прославления человека играет труд. Прочитанное письмо мною Сухацкого я отложил в сторону. Размышляю: Что же мне пишет мой давнешний педагог Аксёнов в своём большом письме. Начинается со строк с поздравления праздничного дня 7 ноября 1981г. Его мысли идут в прошлое за весь период моей учёбы в заочном университете искусств, как воспоминание. Это воспоминание шло положительной дорогой своего времени, и я не слышал из его всего написанного ни одного отрицательного слова. Значит хорошо. Всякое хорошее дело, где-то кем-то фиксируются, записывается и смотрится людьми. Также и хранится, для показа будущим поколениям. Это очень важно. Не только для моей личности, оно будет важно для тех, кто постигает лучшее. На лучших учатся поколения...

Продолжаю читать тетради И.Е. Селиванова

— в зависимости, одним человек от другого человека. Значит мы все люди повинны, одним человек другому... Меритом свободы человека может служить человеку, только его искренний труд, который служит для его жизни. К примеру: мое размышление ваше понимание. Вы идете по дороге, которая несколько прикасается к золотому приоруку. Вы не задумываете подойти к золотому приоруку, Этот приорук льстит вам зрение. Он манит Вас... Если Вы подойдете, ослышитесь криком себя. Нет никого. Значит можно взять столько золота, сколько требуется. Это смущает вас, Ваша лесь — завидость. Вы уже у самого золотого приорика. Ослыдет еще раз в окрещении себя. Подумали по размышлению. Забыли про все, что Вы превращаетесь в самого настоящего вора. Ваша лесь — льщение — завидость, подвела Вас к пропасти вашей жизни, но Вы еще ни нагнулись к золотому приоруку. Это ваша грех жизни, это ваше счастье или смерть. Ваше счастье заключается в том, что Вы ни нагнулись за золотым зернышком. Этот золотой приорук, составляет все ценности и труда всего народа, который скрывался веками и по каменным людям. Каждое золотое зернышко, это богатей

Из тетрадей И.Е. Селиванова

Про золото

Мерилом свободы человека может служить человеку только его искренний труд, который служит для его жизни. К примеру: моё размышление, ваше понимание. Вы идёте по дороге, которая несколько прикасается к золотому пригорку. Вы не задумайте подходить к золотому пригорку. Этот пригорок льстит Ваше зрение. Он манит Вас... Если Вы подойдёте, оглянитесь кругом себя. Нет никого. Значит можно взять столько золота, сколько требуется. Это смущает Вас, ваша лесть-завидость. Вы уже у самого золотого пригорка. Оглядели ещё раз в окружении себя. Подумали, поразмышляли. Забыли про всё, что Вы превращаетесь в самого настоящего вора. Ваша лесть-льщение завидость подвела Вас к пропасти вашей жизни, но Вы ещё не нагнулись к золотому пригорку. Эта Ваша грань жизни. Ваше счастье заключается в том, что Вы ни нагнулись за золотым зёрнышком. Этот золотой пригорок составляет все ценности и труда всего народа, который скапливался веками и поколениями людей. Каждое золотое зёрнышко, это богатство...

обширная мировая равнина.
Впереди меня, не дали от меня,
но этой равнине идет игра
доны людей в разветвленных
одеждах. У меня в голове мв
гобая система, как-бы чуть
вспрессовывается. Надо из
наша зрение не выустить
этих идущих людей. день
суббота 3- октября 1981г.

4049) Намунал день воскресенье.
Но все мероси микит досуд.
Могтаи сходить на лесоклад
позбирати кле-каких дровинок
или угля. Иногда из вагонет-
ушлрок оставшихся ^{угля} ~~камен~~
при откике выбрасывают. Но аксе
только начальство лесоклада
не считает за топливо. Хотя
люди приходят собирать на

лесоклад разны обленки и обрес
древесины и выброаны каменити
угляны, то и сам начальник
за это дело собирающим мик
то не поверит... Так или ина-
че все эти выбрасываемые отб-
ходы, считаются, как хлам ни-
какой дальний предпритиито ни
какой пользы. Люди собирают,
это значит они очищают от
хлама территорию лесоклада.
Это значит собирающие заме-
няют самую рабочую силу без
платы. Двойная выгода началь-
ству лесоклада и собирающим.
Однако неурно платит день-
ги ~~за~~ рабочим за очистку террито-
рии лесоклада, это начальнику, а
~~работам~~ пришло собирать
не нужно покупать топливо.

Из тетрадей И.Е. Селиванова

Про уголь

Для меня настал сезон нелегкий. Ненастны, мокры дни пошли осенние. Заготовить топливо необходимо на суровую зиму. Сырость-грязь и мелкий дождь с небес идет порою. Беру истрепанный мешок, иду на отвальные места, замусоренные, и там собираю угольные камешки.

Наступал день воскресенья. На воле моросил мелкий дождь. Мечтал сходить на лесосклад, позбирать кое-каких дровинок, или уголька. Иногда из вагонов-углярок оставшиеся комочки угля при очистке выбрасывают на землю. Такое топливо начальство лесосклада не считает за топливо. Хотя люди приходят собирать на лесосклад разны обломки и обрез древесины и выбросаны каменные угольки, то и сам начальник за это дело собирающим ничего не говорит... Так или иначе, все эти выбрасываемые отбросы считаются, как хлам, не дающий предприятию никакой пользы. Люди собирают, это значит, они очищают от хлама территорию лесосклада. Это значит, собирающие заменяют наёмную рабочую силу бесплатно. Двойная выгода начальству лесосклада и себя.

Я насобирал в ванну столько уголька, сколько позволяет моя силенка дотащить до избушки. Дотянул уголек, ссыпал в стайку. Совсем как при Варюше☒ День понедельник, 1 июня 1981 года.

«Городской пейзаж» 1959

Из тетрадей И.Е. Селиванова

Про город Прокопьевск

Решил сегодня я пойти на вольный воздух погулять. Очистить легкие от всякой пыли, которая имеется во всех избах, есть дело полезно для всех, хотя пыль эту глазами мы простыми нечасто видим, а в пасмурное время дня совсем не замечаем. Открыл я дверь избы своей. Совсем другой вдыхаю воздух. И как бы радуется грудь, смеются легкие. Улыбается весь Божий свет. Спустился я с пригорка. Смотрю на широкие просторы, синеву небес в холмистой области своей. Вижу перевалы, вижу город захолустный, но все же свой. Он отличья не имеет от всех захолустных городов. Особенность его такая — этот город шахтовый. Пыльный, грязный воздух. Повсюду видны терриконы, горы каменноугольной породы. Вот это и составляет особенность Прокопьевска. Тут красота своя, приличие, тут стать своя. Привык ты к городу шахтовому, считай его за вторую родину. День воскресенье 1981 года.

Про еду

У меня на столе была тарелочка с мелко нарезанной капустой. Соленая, только что принесена из погреба, на вкус очень приятная. Я эту капусту употребляю во всех видах: в супе-борще, жаренную на сковородке с картошкой, в винегрете, да и просто так, с хлебом. Мечтал я с вечера, что завтра буду делать. Возьму ведро, открою погреб. Накладу картошки, промою, а потом подумаю, что я приготовлю. Сварю в мундире я картошку, может, пюре сделаю, а может, суп-похлебку сготовлю — что сумею. Что сварю, тем и питаться буду. Если нет картошки и нет копейки про запас, дело плохо. Иди в магазин, купи хлеба. Отрежь от булочки кусочек, возьми соли. Солью посоли хлебушко, водичкой мутной запивай из-под снега. ☒

И.Е. Селиванов с лошадью

«Лошадь, запряжённая в сани»

Из тетрадей И.Е. Селиванова

Про баню

Иду и размышляю, шатаюсь от истощения. Упаду, не встану и тут подохну голодной смертью, на этой тропинке. В чужой местности у селения. Голова моя забита, всякой дрянью не пригодной. В минуту эту, тропинка ведёт меня к чёрному большому селенью. Солнце всё ниже и ниже к горизонту. Беспокоится душа. Жрать охота, как собаке. Ночлег ещё тревожит, где приют ночной найду? Не зима! Страшного нет. Где-нибудь прикурну, в сарай какой-нибудь зайду. Одно страданье с юных лет переносу. Еле-еле я бреду. Впадаю дикое безумье. Всё это бесполезно. Шатаюсь в мире человечества, среди таких, как образ мой. Мы бесправные, забитые другими, отчего? Разве мы не такие, как все другие, которые имеют право на жизнь. Бесправье создано для нас униженных специально, теми, кто силу имеет физическую превыше слабых, маломощных, плюс алчность, жадность, потерянную совесть.

Размышленья свои я закончил, идя по дорожке среди сочной травы. Поравнялся я с похилившей избой деревянной, на окраине большого селенья, села иль деревни. Я стал к ограде. В эту минуту из избы выходит хозяйка молодая, на волю по каким-то делам. Я обратился к ней с просьбой. Не подала ли милостыню ради Христа. Обожди немного, сказала она, схожу я к соседям по важным делам. Стою: размышляю, значит, есть ещё добрые люди на Свете, на Земле широкой... Радость прошла через душу в мозга, от доброго слова молодой хозяйки. Подумал: сознание имеет молодое людское... Не испытала ли она, что испытываю сегодня я и испытывал в прошлые юные года... Пока я думал и мечтал о прошлом, осматривал вокруг себя. Небо голубое и дали необъятны, земли, одевшиеся ровною травой.

Пришла хозяйка. Подала милостиню. Положил всё я это в сумку нищенскую старую. Она осмотрела меня с ног до головы, сказала мне: «Обожди меня немного». Стою: размышляю, что такое... Повернулась от меня, ушла, куда? Через несколько минут она несёт другую сумку с чем-то... Сказала: «Соседи топят баню, договорилась, чтобы ты помылся в бане и стал как человек».

Сердце начало у меня стучаться шибче-сильнее, тревожность принимает все этой мой головной мозг. Налила она похлёбки в чашку хлебальную. Отрезала кусок мне хлеба, из той же самой ковриги, что резала мне в подаянье раньше, за несколько минут назад. Всё это положила она на стол крестьянский – обыкновенный. Промолвила слова, покушай-поешь. Я пойду к соседям, договорюсь про баню. Ушла, я один остался за столом.

Доверила. Она не побоялась. Бросила всё своё хозяйство на какого-то прохожего человека, совсем не знакомого, невзрачного на вид. Значит, человек-женщина может расценивать мою личность точно, как своего друга, если он таковой у неё есть. Замелькали мысли: неужели у неё нет мужчин близкого друга...Мысли в моей голове бегут, как опрометные, одна за другой. Брось мечтать и собирать всякую чепуху-нелепость. Рассуждение: поешь-покушай. Обглядел из-за стола всю её домашнюю обстановку и с жадностью принялся кушать всё, что было подано ею мне. Поел всё, до чиста, даже хлебальную чашку облизал... Перекрестился.

Не поспел образумиться, слышу: в сенцах что-то от чего-то зашабуршало. И берётся рука чья-то за дверь-скобку. Открывается дверь, я сразу обратил внимание, этой она, хозяйка этой избы. Она спросила меня, ну как подзаправился? Спасибо за приём, за угощенье. Не осудите! Боже ты мой, разве можно мечтать про что-то противоречивое. Сам Господь покоряет за всякие неподобные вымыслы. Скоро будет баня готова, промолвила хозяйка. Придут, скажут.

Я заметил, хозяйке некогда со мной разговаривать-глаголить. У неё имеются свои хозяйственные, домашние работы. Солнце стало закатываться за горы, леса, за горизонт. Пришла корова-чернуха по кличке, сказала хозяйка мне. Замычала, запросилась во двор. Тут замыкала кошка. Корову нужно подоить, кошку нужно покормить, также и за курами нужно доглядеть, все ли они есть. Может коршун утащил, для коршуна курица есть лакомая добыча-пища, ко всему нужен досмотр. Я вышел из-за стола, присел на лавку-скамейку. В голове у меня снова заходили, засновали мысли. Как много у неё работы, у этой хозяйки. Признаки подсказывают: по обстановке её хозяйства. Из мужчин никого в доме не имеет. Может быть, ошибаюсь... Солнце село за гора-горизонт. Слышу, хозяйка на воле с кем-то разговаривает про что-то.

Заходит пожилой мужик в избу, я сижу на лавке-скамейке. Он ко мне: «Здравствуйте молодой человек». Я ему отвечаю таким же словом. Он начал раздеваться. Я сразу почувствовал, это хозяин этого старого дома и молодой хозяйки муж. Значит, я глубоко ошибся по своим соображениям-рассуждениям. Огляделся он со мной, я с ним. Разговорились: он начал со слова спрашивать с какой стороны идёшь и откуда родом, с какого края-губернии?

Я начал обрисовывать всё своё бытё с юных лет. Не кривя душой. Родом Архангельской губернии Шенкурского уезда. Сын бедной крестьянки-нищей, отец умер рано, мне в то время было шесть лет. Шло время, стал ходил с мамой Татьяной Егоровной по миру. Собирали куски милостыни, когда стал на ноги чуть-чуть, стал ходить в пастухи, пасти скотину-коров, крестьян-мужиков. За первое лето заработал три пуда ржи и вёдер пятнадцать картошки. Во второй год ушёл в следующую-другую деревню, верст за семь от нашей деревни Васильевской. В деревню Верхний конец Федорогорского сельсовета. Послевоенное время Гражданской войны, годы были тяжелы.

Начало года 1924, 5-е февраля, я покинул свою деревню Васильевку навсегда и скитаюсь по чужим краям до сегодняшнего дня. Кто-то застучался в дверь? Приоткрыл дверь и сказал: «Идите в баню» и дверь сразу же закрылась, стала в своё прежнее состояние. Через некоторое время заходит в избу хозяйка. Собирает мне и мужу всю принадлежность: бельё, вехотки, мыло. Подаёт мне свёрток также и мужу. Я пошёл с хозяином в баню. Он идёт передом. Я за ним.

Зашли в баню. Разделись в сенцах – в раздевалке – в предбаннике. Зашли в самую баню. Хозяин мне сказал: «Ты любишь париться? Да!» Не мешало бы, тогда он начал наливать в деревянные шайки воды, себе и мне. Вынул мыло из вехотки из своего свёртка. Вот тебе мыло и вехотка, а затем начал плескать ковшом воду на камни.

Баня называлась «по-чёрному». Пар быстро поднялся кверху. Хозяин полез на полку первым, а я начал мыться. Он хозяин отхлёстывался веником в примочку с водой и прихваливал, как хорошо! Слез с полка и сказал мне: «Лезь на полку теперь ты!». Он плеснул горячей воды из ковша и сказал: «Ну как пару хватит?». Ответил я, достаточно. После пропарки мы мылись не спеша. Так, как нам требуется. Прошло несколько времени. Из бани жара спала. Я начал чувствовать, не мешало бы ещё повторить, попариться. Хозяин вышел в сенцы, промолвил сам про себя – надо отдохнуть. Я остался в бане, продолжал промываться. Прошли несчитанные минуты, хозяин зашёл обратно в баню, в мойку. Промолвил мне: «Давай ещё раз хлестнёмся!». Это значит, ещё раз попаримся. Не возражаю. Он сказал: «Полезу я вперёд. О! Что наделал! Забыл плеснуть воды на камни». Он слез с полка обратно на пол. Взял ковш, почерпнул горячей воды из ушата и снова плеснул воды на камни. «Ну, вот теперь окончательно пропаримся» - проговорил хозяин. Хозяин парился и кряхтел, прихваливал, как хорошо! После первой пропарки я также залез на полку пропариваться.

Промолвил-сказал хозяину: «Половину ковша плесни воды на камни». Хозяин не поленился и исполнил мою просьбу. Я также с усердием парился, как и хозяин. Вышли мы оба из мойки в сенцы, очахли немного от банной жары и пара. И обсохли сами по себе от воздуха, в котором мы находимся в сенцах.

Время начало смеркаться. На воле в природе стояла невероятная тишина, ни звука, ни шороха, ни от какого живого существа. Стали одеваться. Я развернул газету свёрток свой, который мне дала молодая хозяйка, этого старого деревянного дома и этого пожилого хозяина. Смотрю: новые подштанники и нижняя, такого же белого цвета, нательная рубашка, чуть поношенные тёмного цвета штаны и гимнастёрка такая же, тут же и полотенце, которым после промойки в первую очередь утирал лицо. В моей голове засновали-заходили невероятные мысли. Рассуждая и размышляя сам с собой, что такое?...

Есть на Свете всякие люди, но это какая-то особенность. Нельзя эту особенность без волнения сердца своего обсказать, ни описать, и при каких условиях и обстоятельствах всей нашей человеческой жизни. Я хозяину ни слова, хозяин также мне. При выходе из дверей, из сенцов хозяин сказал мне: «Спасибо за баню соседям, жене за беспокойство...».

Идём по дороге из бани в дом так старый угрожающий, где живут эти добры сознательные люди, особенно для моей личности Ивана Егоровича Селиванова. Мне сознание определяет обстановку. Ведь я в этом доме совершенно этим людям чужой, а они эти люди относятся ко мне, как свои кровные!

Подходим к дому хозяина. Выбежал парнишка из избы. «Тятя! Вы что так долго?» «Парились крепко, да и грязи было на нас порядочно-много. Понял сынок?» Парнишка посмотрел на своего отца-батю своими глазками и как бы хотел отцу дать какие-то слова на ответ отца. Воздержался.

«Ну ладно, тятя, мы сейчас пойдём с мамой в баню и также будем париться и промываться, как и ты с этим дядей парился и мылся». Я с вниманием прислушивался в мысли и помыслы белобрысого парнишки в передаче словами. Шустрый, смышлив-смекалист. Вот из таких парнишек и девчонок выходят замечательные люди в народе, а я что родился в далёкой лесной глуши. Где видишь вечный лес, синеву небес. Люди в нашей местности почти равны по размышлению диким лесным зверям, только формы разные, между человеческими фигурами. Больших различий нет. Поэтому мы называемся люди, что у нас формы разные. Различные мы одежды носим. Звери одежды имеют естественные, также и пищу едят от природы готовую. Поэтому они меньше заботливы, чем мы люди. У них всё готово от самой природы. В приволье они живут в своей природе, кто, где нарождён по местности. Врагов они имеют также промеж себя. Одни другого пожирают, но самым главным они считают для себя, это человека. Мы люди. Человек для человека враг. Сильный для бессильного, как и у зверей. Но всё же звери имеют больше свободы, воли, ничем, как бедный человек. Человек несколько умней от зверей. Ещё потому что он человек рождается совершенно наг - голый. Так вот его, этого человека, вознаградила сама природа, несколько поумней, чем всяких зверей больших и маленьких.

Если бы было нормальное время, то есть не было бы войны, то не было бы шатающих, бродячих людей, таких как ты, я, по стране. Хотя обижены мы все богатыми до нищенства. Нужда заставляет плакать и бродить по Свету всех бедных. Нужда заставляет становиться на колени всем бедным, богатым в избах у богатых – у блаженных, хотя богатые мало пускали нищих в свои избы.

Блудные мысли заходили у тебя, у меня обратно в голове. Они сталкивают тебя-меня со справедливой дороги жизни.

Хотя ты – Иван Егорович на эту дорогу никогда не вступал ногами и правды жизни своей не знаешь. Потому что, ты – я юн и молодой рассуждаю сам собой, я обдумываю, где правду жизни мне найти? Поскитаешься ещё... Правда в поле ходила когда-то и вдруг ураган поднялся в это время и правду унесло, куда?

Захожу, я в дом хозяина и хозяйки, с самим хозяином и его дитёнком, белобрысым парнишкой. В избе уже стало плохо видно. Хозяйка взяла заранее приготовленную банную принадлежность и фонарь с керосиновой лампой и спичками. Сказала сынишке-мальчонке: «Пойдём теперь мы с тобой грязь с себя промывать». «Пойдём-пойдём, мамочка! Мы тоже с тобой грязны как дедушкины чушки». Промолвила хозяйка: «Василий, слышь? Подогрей самовар!». «Ладно». Хозяйка открыла дверь избы и пошла с дитёнком в баню.

В избе тишина и темнота обняла нас, меня с хозяином. Мы сидим на широкой скамейке молча. После короткого времени и всякого рода диких безумных людских размышлений.

Меня потянуло на дремоту и моя мозговая система уже не стала почти ни о чём думать и размышлять. Глаза начинают у меня слипаться, сидя на широкой скамейке. Тихо, безмолвно одна мысль шепнула другой в моей голове. Спроси разрешения у хозяина Василия, что он скажет? Василий, где можно прикурнуть? Возьми с вешалки ярмяк, иди на поветь, ложись на солому. Подумал: не найду, а если бы на русску печку? Не возражаю. Я снял с вешалки ярмяк, свернул пополам надвое. Залез на русску печь, положил в голову и прилёг. Вот спасибо хозяин. Ну, подумай: поразмышлял я сам-собой. Каких только людей на белом Свете нет... Мои глаза сразу же закрылись.

Сколько спал-лежал на русской печи. Пробудивши, чувствую утро. Хозяйка что-то делает в избе, мало ли делов в хозяйстве, по дому. Работа не работа, хлеб пеки, похлёбку варить надо. По пальцам не пересчитать. Женские и мужские имеются дела по дому. Всё нужно делать, жизнь требует. Рассиживаться некогда в избе, мечтать про что-то...

Всегда крестьянский человек находит себе работу по своему дому. Хватит думать и мечтать, про чужие чьи-то дела. Глупо-глупо! Иван Егорович рассуждаешь и мир человеческий и природу совсем не знаешь. Вот подобно живёшь ты как скотина, какая... Ты же человек, хотя на вид собой невзрачный, но всё же облик свой ты носишь человека. Присматривайся к людям, учись ты у людей, как хлеб насущный добывают.

Надо ставать с печки, хватит лежать, а то хозяйка будет думать разну дребедень. Отдохнул после бани за ночь крепко, хотя в чужих людях. Так только чувствовал у мамушки родной, дома, в юности и здесь, на этой печи русской, у этих хозяев. Ставай, хватит разну ерунду размышлять, собирать в голову, философствовать про разны небылицы, а то хозяйка ...Слез с печи, умылся у рукомойника. Спросил у хозяйки полотенца, или какой-нибудь чистой тряпки. Она подала мне старое полотенце чистое, посмотрела на меня, что-то хотела сказать. Но не сказала, воздержалась.

Я начал собираться в путь-дорогу. Сердце что-то начинает тревожиться. Заходят в голову какие-то не сурны мысли, которые даже придумать самому дьяволу невозможно. Хозяйка на меня посмотрела. По выражению глаз её я заметил: что-то она хочет сказать мне или поговорить, но не может насмелиться. Может она считается моей молодости. Разгадывая и размышляя я сам-собою. Она же не девочка... Почему она меня стесняется? Моя старая сумка висит на вешалке, на стене, я намереваюсь подойти к сумке. Подошёл к стене, вешалке. Снял сумку с вешалки. Хозяйка отвернулась от меня, подошла к окну и долго смотрела молча в окно, как бы ожидая кого-то... После этого она вышла на двор, в сенцы, через несколько минут она вернулась из сенцев в избу, со свёртком в газете, с чем-то. Я подумал: не моё ли старое бельё, которое я оставил в бане-забыл. Она хозяйка подаёт этот свёрток, сказала мне: «Я постирала твоё старое, просушила и подумала; может за большую нужду пригодится, когда-нибудь...»

Время идёт, мы, я и она молчали. После последних моих размышлений на лавке. Я стал с широкой лавки, взял сумку, развязал и положил старое своё, завёрнутое хозяйкой в газету бельё, завязал. Подумал: пришёл снова-вторично на широку лавку. Хозяйка промолвила-сказала: «Может ишь хошь?». Что сказать на ответ молодой хозяйке. Не мешало бы. Она открыла русскую печь. Достала порядочный чюгун. Раскрыла его. Повернулась к полке. Взяла хлебальну чашку, поварёшку и почерпнула-налила в хлебальну чашку похлёбки. Отрезала два куска ржаного хлеба. Кушай на здоровье.

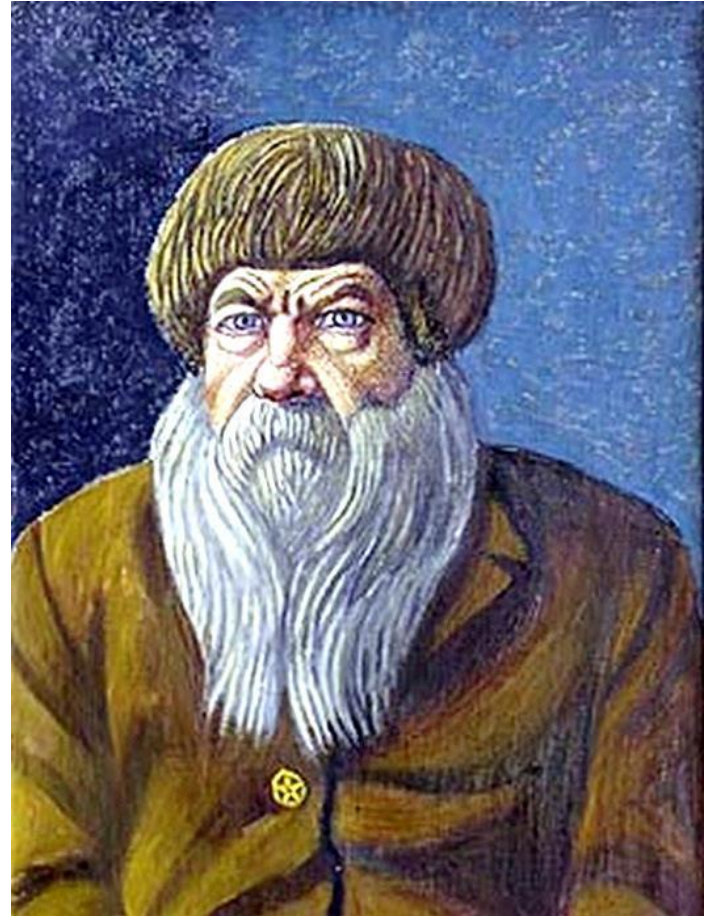
Время на дворе уже порядочно, определяя по рассвету. Погода на воле стояла не радостная, скучно тянет на дождь. Я подошёл к столу, перекрестился, сел за стол. Начал ишь, как всегда молча. При еде-пищи разговаривать люди считали за грех, а мне вовсе нельзя, я же в чужих людях. Это мои мысли-помыслы во время еды. Покушал, вышел из-за стола, помолился Богу, отблагодарил хозяйку словами за еду спасибо.

Не осуди. Очень благодарен. Присел на широко скамейку-лавку после еды. Грусть нападает на сердце и пялится в сами мозги. Погода на воле не ясна, что делать? Куда мне податься идти...Никто не ждёт меня оборванца и мать позабыла давно. Знать, я такой награждён своею судьбой. Ходить и скитаться по всею широкой стране. По времени жизни моей в стране не сочтёшь оборванцев! Сколько не думай и сколько не мечтай, а идти куда-то надо. Здесь в этом доме я совершенно чужой. Да! Ещё при том далеко от Родины. Стал с широкой лавки. Надел свою старую нищенскую сумку на плечи, открыл двери старой избы...

Хозяйка меня проводила из своего старого дома-двора, за воротца-калитку. Поклонился я хозяйке, сказал: благодарю за всё хорошее! Иду я по дороге, по улице этого селения. Начал мелкий дождик моросить. Прохлада потянула Дрожь по моему телу пробегают. Никого я не встречаю по улице...

«Портрет жены». 1977

«Автопортрет в тулупе»

Про любовь

Нахожусь в своей избе, брожу по ней, от усталости и всякого рода размышлений присел на доску-скамейку. Ко мне заходит молодая Ларкина дочь Бэлка, у неё улыбка на лице, значит хорошо. Одевание у неё чистое на своём теле. Она присела ко мне на доску-скамейку. Смотрит своими голубыми глазами на меня и мои серые глаза. В одну минуту, она промолвила, мне несущественны для моей жизни слова: Иван Егорович, я люблю тебя. Я же тебе дед по твоим годам, а твоя мама по годам мне дочь. Такие глупые слова, я не хочу слушать - уйди от меня. Она стала от скамейки-доски, у неё на глазах голубых появились яркие отблески слёз. Изобиделась, повернулась и пошла. Открыла дверь избы, сказала: до свиданья. Да! Каких людей рождает мать Земля... описать мне всё невозможно, и нету сил у меня. Она стадна, белобрыса, зачем увлекалась в меня! Наверно, кровь у неё играла. Лучше не могла найти меня...

Жене своей Вареньке я не изменял. Изменить жене значит то же, что предать Родину свою. Таких мужчин я презираю всегда и всюду. В военное время предавших Родину к стенке ставили. А за измену, какую пулю заслуживает муж-мужчина?

Литов. Мы учили у тех, кто больше знает нас, Сливанов И.Б. 10-январь 1982г.
Как турки махиты, велико брехно - франгазю, превращать в
Правду. Сливанов И.Б. 10-январь 1982г. ;

Каждый человек должен овладеть своим языком в совершенстве,
не зная и не изучая своего языка, такой человек является, как по-
меченой, неграмотный. ;. Как турки люди, которые способны разви-
вать свой язык и давать великую науку в перед. Без этого не возмо-
жно достичь ни какой победы. Сливанов И.Б. 21-января 1982г.

Изучение космических пространств, т-е Вселенной, это есть
клетка тела, как человек изучает и изучает самого себя.
Сливанов И.Б. 21-января 1982г.

Настроение у человека, это активность или дурачина, которые
способствуют создавать и осуществлять чудеса Сливанов И.Б.
26-февраля 1982г.

Любовь, это чувство сознания человека определяющую великую красоту.
Иными-другими словами, кто что любит. и кто, что воспринимает
за красоту. Красота может быть искусственна и естественна.
Между красотой и любовью имеется сила тяготения двух
наших. Сливанов И.Б. 27-февраля. 1982г. ;

Мы видим свет, тот, который перед нами, окружают нас и ту
ширину - землю на которой родился мы от родных матерей
отцов. Мы любим родину, на которой были каменные человек
нас. и мы должны учиться за матерей отцов, как они у вас

Цитаты из тетрадей И.Е. Селиванова

«Мы учимся у тех, кто больше знает нас». 10 января 1982 г.

«Нам нужно научиться всякую брехню-фантазию превращать в правду». 10 января 1982 г.

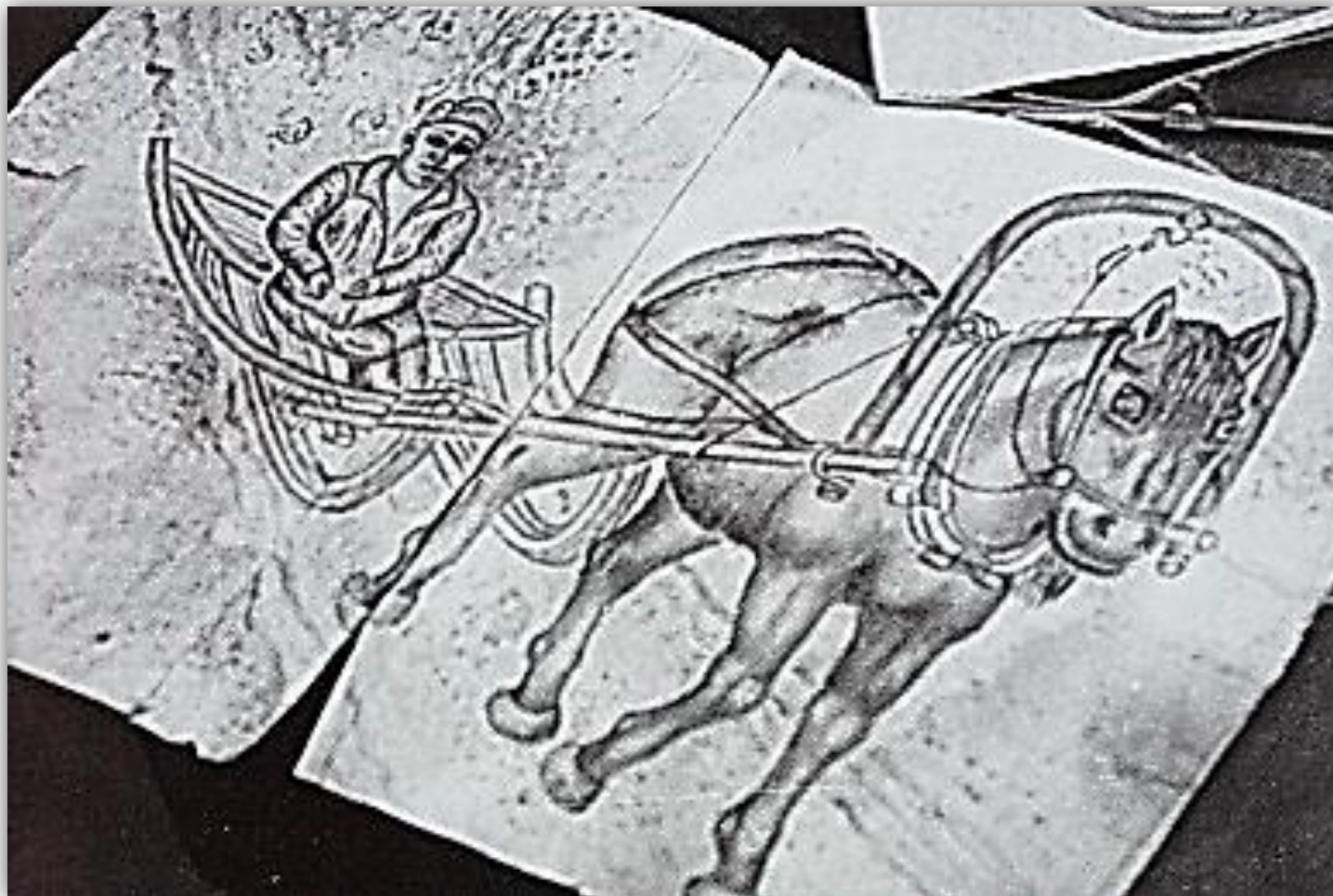
«Каждый человек должен овладеть своим языком в совершенстве. Не зная и не изучая своего языка, такой человек является неграмотный... Нам нужны люди, которые способны развивать свой язык и двигать всякую науку вперед. Без этого невозможно подойти никакой победе». 21 января 1982 г.

«Исследование космических пространств, т.е. Вселенной, это есть ничто иное, как человек исследует и изучает самого себя». 21 января 1982 г.

«Какую бы нелепость ни говорил я вам, на бумаге, думаю, нелепость когда-нибудь моя, превратится в правду». 27 января 1982.

«Настроение у человека, это активность сил духовных, которые способствуют создавать и умножать чудеса». 26 февраля 1982 г.

«Любовь - это чувство сознания человека, определяющую всякую красоту. Иными другими словами, кто что любит. И кто, что воспринимает за красоту. Красота может быть искусственна и естественна. Между красотой и любовью имеется сила тяготения двух полюсов». 27 февраля 1982 г.

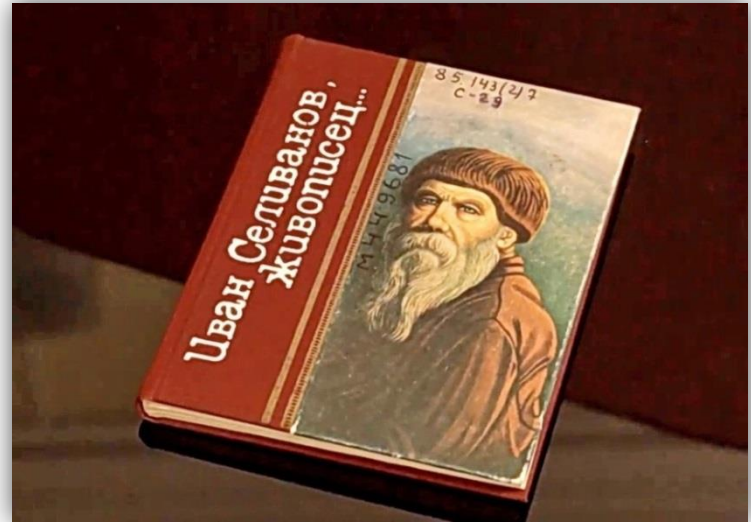
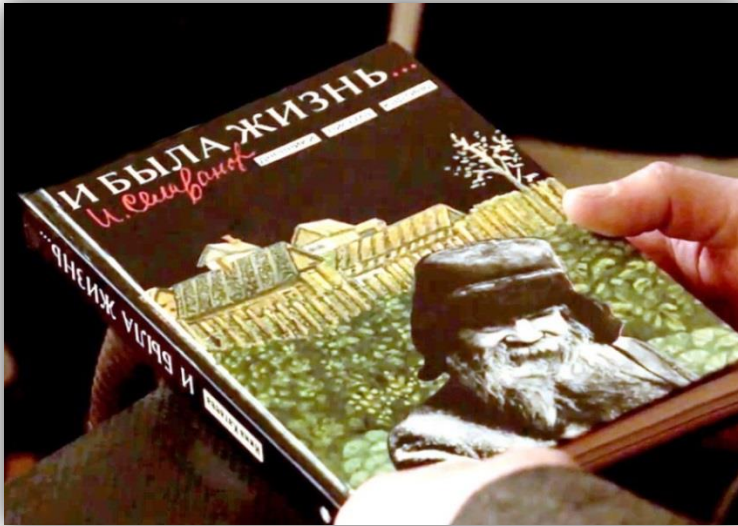
Один из последних рисунков И.Е. Селиванова

Вместо послесловия. Кому нужен этот кот...

Чтобы подвести красную черту под рассказами о Селиванове, вернусь к его тетрадям.

«Снова мысли в моей голове заговорили, снова из мозга они заработали. Поддамся в правую сторону. Иду мечтать, я прошлой молодой жизни, как скитался по стране? С кем встречался, чего хорошего слышал от кого. Поучительно, я ничего не слышал, ни от кого. Одни насмешки. Ирония-фантазия, одно вранье. Добрых людей приходилось мне встречать. Одну единицу из женщин во своём Архангельске. В это время была юность моя. Всё же не испарилось из памяти моей до сегодняшнего дня всё хорошее от этой молодой женщины. Сколько бы я себя не изучал в жизни своей и прочих людей.

Глубины жизни не измерял, ни своей, ни людской. Всю жизнь бродил в черных людях, как безпутный, «заблудящий» по большой стране. Чего искал, чего нашёл? Абсолютно ничего... такие годы были смутны по жизни моей!!! Знать судьба моя была такая. Такой судьбой я награждён быть холодным, быть голодным, спать приходилось, где попало...»

Книги об И.Е. Селиванове

Свет славы, свет признания не так часто освещает самобытных художников. Селиванову, можно сказать, повезло, о нём снимали фильмы, причём, талантливые режиссёры и операторы, о нём написано немало книг и статей, много материалов о нём в Интернете. Так что И.Е. Селиванова не забыли. Хотя память вещь тонкая, сегодня помнят, завтра нет. Сегодня хвалят – завтра хают, и наоборот.

Мне нравятся его записи в тетрадях. Может быть, настанет время, когда их все напечатают в одной книжке. Если вы спросите меня, какую бы из его работ я выделил, какую бы строчку подчеркнул? Отвечу. Первое - «Семья петуха», второе - «Автопортрет», где он похож на Пугачёва. А из писанины – рассказ про баню и его слова: «Я мужик, который, между прочим, делает ещё и картины».

В его родном городе Прокопьевске открыт памятник. Посмотрите и сравните фотографию и скульптурное решение - даже композиция одна и та же, только кошка на фотографии, заменена на петуха.

Памятник Ивану Селиванову в Прокопьевске

«Портрет матери» 1986

«Я рожден своей мамушкой Татьяной Егоровной не для больших денег, не для роскошной жизни, а просто для жизни, как всякое живое существо в природе.

Воспитывался среди нищенского сословия. Вся моя жизнь, весь мой труд прошли задарма, а зачем - я не знаю.

Неужели найдутся такие люди, проглотят мой труд, как жадный крокодил, или выбросят? Будущие поколения таких людей не похвалят».

Селиванов Иван Егорович

Вот такой он был житель Марса Иван Егорович Селиванов в воспоминаниях современников.

Знай, наших!

Фото Юрия Светлакова.1986

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия. Память о прошлом	3
Встреча первая. Дом на Марсе	13
Приезд Юрия Роста	33
Статья в «Новой газете»	43
Из тетрадей И.Е. Селиванова. «Приезд Юрия Роста»	19
Встреча вторая. У трамвайной остановки	47
Из тетрадей И.Е. Селиванова.	49
Фильмы о И.Е. Селиванове.	60
Встреча третья. Съёмка в Инском	79
Кто открыл Америку?	89
Из воспоминаний Михаила Литвякова	91
Из тетрадей И.Е. Селиванова. «Про петуха»	105
Из воспоминаний Владимира Сухацкого	111
Из тетрадей И.Е. Селиванова. «Баня»	127
Послесловие. Кому нужен этот кот?	134

Автор этой книжки-альбома кинооператор Юрий Светлаков бывший ведущий популярной программы «Шаг за горизонт». С 1961 по 2006 год работал на Кемеровской студии телевидения. Снимал киноочерки, вёл циклы передач: «Кинолетопись Кузбасса», «Рассказы о Кузбассе», «Люди земли Кузнецкой», «Шаг за горизонт», «Семейный альбом».

Автор нескольких книг: «Киноленты памяти», «Съёмщик», «Шаг за горизонт», «Семейный альбом», «Шаг за горизонт-2», «Путь непослушания, или неправильные люди», «Кемеровское телевидение. История в чёрно-белых фотографиях», «Запрещённый «Шаг за горизонт», «Дом поэта», «Автор-оператор», «Сибиряки-добровольцы на экране», «Свет мерцающих звёзд», «Штрихи к портрету», «Две книжки под одной обложкой», «Диалог», «Слово о полку Игоре», «Отражение», «Моё документальное кино», «Вспомнить детство и забыть», «Все ушли на фронт», «Время, назад!», «Таинственная Сибирь», «Шахтёры Кузбасса на экране», «Предсказание катастроф».

Профессор кафедры фотовидеотворчества КГИКа.

Член Петровской академии науки и искусств.

Почётный гражданин Кемеровской области.

Сайт: yuri-svetlakov.ru

Эл. почта: svetlakov38@mail.ru

Светлаков Юрий Яковлевич

ЖИТЕЛЬ МАРСА ИВАН ЕГОРОВИЧ СЕЛИВАНОВ

Под редакцией автора.

Компьютерный набор
Елена Стафиевская
Елена Светлакова
Катя Мучник

Подписано к печати 27. 04. 2017 Формат 60x84 1/16
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс».
Усл. Печ. Л. 12. Тираж 100 экз. Заказ № 167
Отпечатано в типографии ООО «ИНТ»
650099, г. Кемерово, пр. Октябрьский, 28. Тел. (3842) 65-78-89

